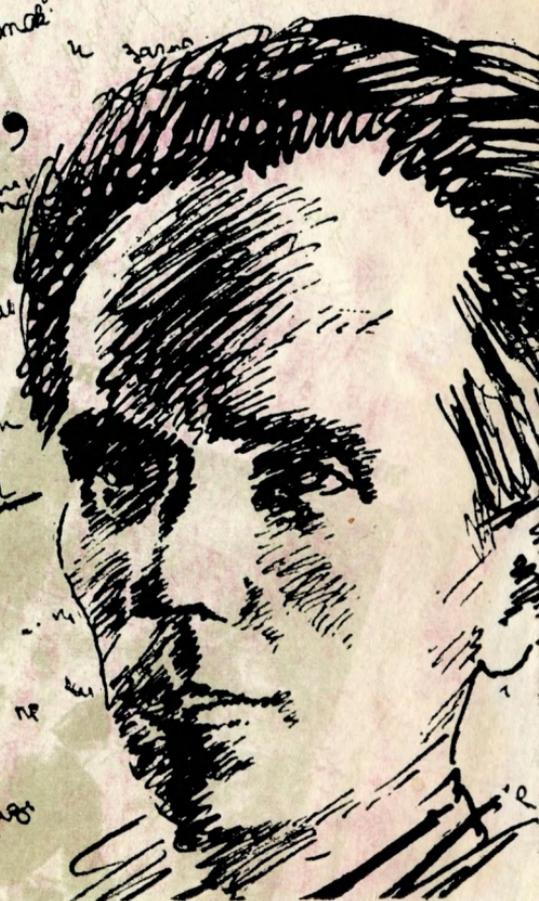

Судьбы
КНИГ

директор. Намидет он
Левидковича
Линия - Лаврушина
А. Караваева
"Таблицы" и "Книжки"
Лаврушина
и другие

Книга,
которая
обошла
весь
мир

всего
Таблицы
и другие
и другие

«КНИГА»

Анна Караваяева

**Книга,
которая
обошла
весь
мир**

**Издательство
«Книга»**

**Москва
1970**

002
K 21

6-10-1

100-69

Однажды, в начале 1932 года, придя в редакцию журнала «Молодая гвардия», который я тогда редактировала, я узнала интересную новость: накануне, в часы дежурства моего заместителя Марка Борисовича Колосова, в редакции появилась рукопись молодого неизвестного автора, Николая Островского. Рукопись принес в редакцию старый большевик Иннокентий Павлович Феденев, друг Николая Островского. И. П. Феденев и рассказал в основных чертах творческую историю создания книги, которая называлась «Как закалялась сталь». Название всем нам понравилось своей романтической образностью: «закалялась сталь» — конечно, это означает закалку характера молодого человека, ведь «закаляются» всегда в молодости. А вот и сама биография Николая Островского, присланная вместе с рукописью:

«Родился в 1904 году, в рабочей семье. По найму работать стал с двенадцати лет. Образование низшее. По профессии — помощник электромонтера. В комсомол вступил в 1919 году, в партию — в 1924 году. Участвовал в гражданской войне. С 1915 по 1919 год работал по найму: кубовщиком, рабочим материальных складов, подручным кочегаром на электростанции и т. д. В 1921 году участвовал в ударном строительстве по постройке железнодорожной ветки для подвоза дров, где тяжело заболел, простудившись и поймав тиф. По выздоровлении с начала 1923 года был снят с производства по состоянию здоровья и послан на другую работу, в по-

граничный район. В 1923 году был военным комиссаром батальона ВВО „Берездов“. Последующие годы вел руководящую комсомольскую работу в районном и окружном масштабе. В 1927 году с совершенно разрушенным здоровьем, искалеченный тяжелыми годами борьбы, был отозван в распоряжение ЦК Украины. Было сделано все к тому, чтобы вылечить меня и вернуть на работу, но это до сих пор не удалось. Будучи оторван от организационной работы, стал агитпропщиком: вел марксистские кружки, обучал молодых членов партии. Будучи прикован к постели, выдержал еще один удар — ослеп. Оставил кружки. Последний год посвятил работе над книгой. Физически потерял почти все, остались только непотухающая энергия молодости и страстное желание быть чем-нибудь полезным своей партии, своему классу. Работа над книгой — попытка передать бывшее литературным языком. Никогда раньше не писал».

Член ВКП(б), партбилет
0285973

Николай Алексеевич
Островский

Все в этой автобиографии просто, строго, сжато и ясно до последнего слова, как и стремление автора: «быть полезным своей партии, своему классу». Страшный удар, обрушившийся на молодую жизнь, — слепота и неподвижность, не вызвал у коммуниста ни отчаяния, ни безнадежности, а, напротив, заставил собрать все свои силы, чтобы «быть чем-нибудь полезным своей партии, своему классу». И отсюда именно это стремление — написать книгу, хотя человек уже настолько физически беспомощен, что не может видеть ни одной строки, как и не может написать ни одного слова собственной рукой,

Н. Островский, 1926 г.

ведь координация движений у него уже нарушена, следовательно, он свою книгу мог только диктовать. А это требует огромного внимания и нервного напряжения: диктующий должен не только мысленно видеть написанной продиктованную им строку, но и неустанно чувствовать возле себя другого человека, записывающего и ожидающего, пока он продолжит диктовку.

Да, безмерно трудную задачу поставил перед собой Николай Островский, и уже само это стремление вполне можно было приравнять к подвигу.

Какие препятствия в работе должен преодолеть человек, который «физически потерял почти все»? Кто помогает ему в самой технике творческой работы? Кто записывает диктуемые им страницы и достаточно ли опытные товарищи? Естественно, мне все, все хотелось знать об условиях жизни Николая Островского, чтобы помочь устранить те трудности, которые мешают его творческой работе.

По словам Иннокентия Павловича Феденева, эта рукопись «не рукотворно написана, а продиктована фраза за фразой, страница за страницей». Записывали под диктовку жена Николая Островского, Раиса Порфирьевна,

сестра Екатерина Алексеевна и «добровольные секретари», товарищи — коммунисты и комсомольцы. Все эти секретари-добровольцы, само собой разумеется, люди работающие и занятые. При всем своем горячем сочувствии тяжелой судьбе товарища они, случается, просто не могут прийти к нему в обещанный день. Значит, к напряжению в работе прибавляется и ежедневное авторское беспокойство — не пропустить бы дня без пользы. Ясно, что только тот может переносить такую сложную обстановку в творческой работе, кто страстно влюблен в свой замысел и верит, что сотворенное им нужно людям, нужно партии. А какой неколебимой волей и каким стойким терпением обладает Николай Островский! Иппокентий Павлович Феденев, старый большевик, множество людей повидал на своем веку, и все-таки сила воли и мужество Николая Островского всегда изумляют его.

Вскоре я поехала домой к Николаю Островскому.

Большая коммунальная квартира, перенаселенная жильцами. Шумно и тесно, какие-то сердитые люди толкаются в коридоре, кричат дети, где-то назойливо, как дятел, стучит машинка.

«Ну и ну!.. Обстановочка для писателя, нечего сказать!» — подумал бы каждый. Я вошла в комнату.

На кровати лежал человек, плотно, по грудь окутанный одеялами и шальями. Я увидела темно-каштановые пышные волосы, большой выпуклый лоб и бескровное худое лицо. Тонкие веки его слегка вздрагивали, густые ресницы бросали на впалые щеки синеватые тени. Он показался мне таким слабым и беспомощным, что я было решила уйти, не беспокоить человека, отложить разговор до другого раза.

В эту минуту в комнату вошла худенькая бодрая старушка с живыми темно-карими глазами на приветливо улыбающемся лице.

— Матушка, кто это пришел? — спросил Николай Островский.

Мать назвала.

— А!.. Вот хорошо! Сюда, сюда!

Чудесная белозубая улыбка озарила лицо. Каждая черточка его светилась, играла молодостью и радостью жизни. В первые минуты мне показалось, что и глаза его, большие, черные, тоже блестят. И все время, пока шел наш разговор, я забывала, что он слепой — такую напряженную мысль, внимание выражало его лицо.

Разговор шел о романе «Как закалялась сталь», первая книга которого уже готовилась к печати журналом «Молодая гвардия». Николай жадно интересовался, какое впечатление произвели на нас его герои.

— Павка, по-моему, парнишка даже очень неплохой, — говорил он с лукавством, сверкая белозубой улыбкой. — Я и не думаю, конечно, скрывать, что Николай Островский с Павкой Корчагиным связаны самой тесной дружбой. Он и разумом и кровью моей сделан, Павка этот самый... Но мне вот что еще интересно: не кажется ли мой роман только автобиографией... так сказать, историей одной жизни?..

Улыбка его вдруг исчезла, губы сжались, лицо стало строгим и суровым. Оно дышало неподкупной взыскательностью — так смотрит командир на молодых бойцов, проверяя их знания, техническую сноровку, выправку, походку. Казалось, герои Островского проходили перед его требовательным и строгим взором, и он проверял их жизнеспособность.

— Я нарочно ставлю вопрос остро, потому что я хочу знать: хорошо ли, правильно ли, полезно ли для общества мое дело? Есть немало единичных случаев, которые интересны только сами по себе. Посмотрит на них человек, даже полюбоваться может, как на витрину,

а как отошел, так и забыл. Вот такого результата каждому писателю, а мне, начинающему, особенно бояться надо.

Я сказала, что для редколлегии журнала «Молодая гвардия» Павка Корчагин прежде всего художественно-обобщенный образ эпохи.

Николай мягко прервал меня:

— Только условимся: успокаивать меня по доброте сердечной не надо! Мне можно говорить прямо и резко обо всем. Я же военный человек...

И хотя губы его дрогнули и улыбка вышла смущенная, я вдруг с предельной ясностью поняла, как крепка, как несгибаема его воля.

Мне захотелось рассказать ему о целой веренице героев русской и западной литературы, которые вспомнились мне, пока я знакомилась с Павлом Корчагиным. Герои были разных стран и веков: Вертер, Карл Моор, кавалер де Грие, Овод, Евгений Онегин, Печорин, Рудин, Давид Копперфильд, Жюльен Сорель и другие. Многие из них были созданы гениальными творцами, формировали волю и сознание человеческих поколений. За этими образами мировой литературы стояла история общественных отношений, социальные и личные трагедии, многолетняя слава высших завоеваний человеческой культуры.

Но Павел Корчагин перед этой галереей великих и прославленных может стоять уверенно, с полным чувством собственного достоинства. Ему, молодому бойцу гражданской войны, теряться среди прославленных «стариков» не придется. У него есть то, чего нет у других: в его мускулах живет неистощимая сила, в его сердце — неугасимая страсть, в его мыслях — самые передовые, самые благородные убеждения о свободе и счастье человечества. Конечно, наиболее близких ему духовно,

старших братьев и друзей Павел Корчагин найдет среди героев Максима Горького.

— Значит, полюбят моего Павку? — спросил он, и лицо его осветилось безудержно счастливой улыбкой. — Значит, полюбят Павку?.. И других ребят тоже?.. Значит, ты, товарищ Островский, не даром живешь на свете — опять начал приносить пользу партии и комсомолу?..

Мы уже перешли на «ты», разговор наш временами перебрасывался на разные темы, но неизбежно возвращался к роману.

Он спрашивал, как удалась ему композиция романа в целом и отдельных мест, диалоги, описания природы, подчеркивания характерных черт героев и т. д. Каждый вопрос показывал, что он много читал и думал о проблемах художественного творчества.

— Прославленный ты писатель или начинающий, — говорил он, — о самом главном ты всегда обязан помнить: чем, мол, именно книга моя помогает гигантской работе партии, комсомола, советской власти, общества? Отвечай на этот вопрос точно, четко, будь к самому себе беспощаден!.. Если ты перед самим собой не умеешь быть правдивым, если не знаешь, как ответить, какая тебе цена после этого?

Минуты, часы летели незаметно. Уже несколько раз я собиралась уходить, боясь, что Николай утомится. Но какое-нибудь слово или замечание, сказанное «напоследок», опять разжигало беседу. Она переходила с предмета на предмет, как часто бывает с людьми, которые только начали узнавать друг друга. А потом наш разговор возвращался к роману, к будущим его главам, к работе над второй частью.

Он рассказывал о своих творческих заботах, назначал себе сроки, задания, — и я при виде этой энергии не только не пыталась, но даже забывала хоть в чем-нибудь

«укрощать» его. Напротив, я была бесконечно рада, что у нас в журнале «Молодая гвардия» появился писатель — боевой комсомолец, художник-большевик, человек ярко выраженного идейно-художественного склада, свежий и сильный талант.

Вот почему мне хотелось не ограничивать, а напротив, помогать ему расширять его планы — передо мной был сильный человек, волевой, закаленный.

Как сейчас слышу этот глубокий голос, полный счастья и гордости:

— Вот я и опять в строю!.. Это же самое главное! Я опять в строю!.. Какая замечательная жизнь, какая жизнь открывается!..

Пока я ехала домой, в ушах у меня, как мелодия, звучали эти слова: «Какая жизнь открывается!».

Новая жизнь открылась не только для автора, но и для его романа «Как закалялась сталь»: читатели сразу заместили это произведение, напечатанное в № 4 журнала «Молодая гвардия» в апреле 1932 года.

Еще не появилось никаких сообщений в печати о романе Николая Островского, а в редакцию журнала уже стали поступать письма читателей, в которых они спрашивали, как можно встретиться с автором романа.

В первое время после опубликования «Как закалялась сталь» обсуждений романа было так много, что не только члены редколлегии журнала «Молодая гвардия», но и близкие журналу авторы приглашались на помощь редакции журнала для участия в обсуждениях. Мне, например, довелось участвовать в нескольких обсуждениях романа «Как закалялась сталь» в армейских клубах, где о романе и его героях и прежде всего о Павке Корчагине были высказаны особо весомые и примечательные мысли: бывшие участники гражданской войны, в то время командиры Красной Армии, видели в романе правдивые

картины борьбы за молодую советскую власть, точную обрисовку военного и гражданского быта, своеобразие характеров. Многие высказывали уверенность, что роман «Как закалялась сталь» войдет в число «вечных» произведений: его будут читать многие поколения, а издавать — не только у нас, но и за рубежами нашей страны. И как не вспомнить сейчас, почти 40 лет спустя, это пророчество, которое полностью сбылось: роман «Как закалялась сталь» принадлежит к тем книгам, которые обошли весь мир!

Комсомольско-молодежная аудитория, естественно, интересовалась «самим Николаем Островским»: как он выглядит сам и все вокруг него, как и о чем говорит он и какой характер чувствуется в нем, что поддерживает в нем бодрость духа и любовь к жизни — ведь не так-то просто любить жизнь, когда болезнь у человека, борца по натуре, отняла все, что, казалось бы, может его связывать с миром и людьми? В ответ на этот вполне естественный и важный вопрос возникал разговор о гражданской войне, о Ленине, о партии и ее великих планах, о нашем социалистическом строительстве.

В Москве о романе «Как закалялась сталь» говорили уже тысячи людей, особенно молодежь — народ всем сердцем принял и полюбил молодого писателя и его героев, а вот критика хранила молчание. Можно было только догадываться о некоторых причинах этого странного молчания. Начиная разговор о Николае Островском, некоторые критики — каждый из них со своей интонацией, — спрашивали: не потому ли редакция журнала «Молодая гвардия» заинтересовалась произведением молодого автора, что Николая Островского постигла «жестокая судьба»?.. Оказывалось, таким образом, что «жестокая судьба», посланная природой, как бы даже... облегчила работу молодого писателя!.. Один из особенно

придирчивых критиков Б. Дайреджиев подчеркнул: стоило, видите ли, «вообразить себя... прототипом» — вот вам «готовая канва», т. е. такая основа для романа, которая вроде бы даже исключает всякие творческие поиски и претворение явлений действительности в картины художественного видения мира.

Помнятся мне и такие доводы, когда картины жизни Павки Корчагина объявлялись слишком «рядовыми, массовыми»... Всех доводов подобного рода — спустя тридцать с лишним лет! — уж и не припомнишь, но все они означали одно: нежелание глубже продумать все то жизненно-верное, новаторское и самобытное, что свойственно этому роману.

Само собой разумеется, об этих разговорах Николай Островский ничего не знал: мы рассказывали ему только о том, что слышали на читательских конференциях. Приятно было видеть радость молодого писателя — его Павку полюбили, как он и мечтал об этом с первой же нашей встречи. Нам хотелось, чтобы в газетах и журналах появилась обстоятельная статья о романе «Как закалялась сталь», но была у нас и более настоятельная забота — нашему другу абсолютно необходимо было южное тепло — солнце, море, санаторный режим. Мы обратились в ЦК ВЛКСМ с просьбой отправить Колю в санаторий в Сочи. А пока шли эти хлопоты, наши встречи продолжались. Передо мной еще глубже раскрывались образ мыслей и характер этого замечательного, мужественного человека.

Сдержанно, не вдаваясь в подробности, вспоминал он, как «выбыл из строя».

— Высказывать своих чувств я, понятное дело, не мог: домашним моим и без того не легко. Особенно тяжело было сознавать, что ты отстал от товарищей. Сначала захаживали ко мне. Придут, газеты читают, новос-

ти расскажут... Потом — все реже, все меньше. Я, конечно, и не подумал обижаться на этих ребят: что же, работы у них много, люди здоровые, молодые, жизнь маинит... Вполне естественно... В некоторых людях, правда, пришлось разочароваться... но об этом жалеть не приходится: по крайней мере знаешь, что ждать тут нечего. Ясность во всем — дело очень полезное.

Голос его звучал спокойно, даже чуть насмешливо: и эти страдания он преодолел. С особенной теплотой и нежностью он говорил о старом большевике Иннокентии Павловиче Феденева:

— Чем я мог отблагодарить его, чуткого, прекрасного друга, за всю его заботу обо мне? Он будет у меня в романе, во второй книге... Фамилию изменю, а имя так и оставлю: Иннокентий Павлович. Старику это будет приятно, как ты думаешь?

— Еще бы!

Так это и было. Во второй части романа Павел Корчагин знакомится с Леденевым. В образе Леденева, «высокого богатыря с седыми висками», нетрудно узнать Иннокентия Павловича Феденева.

«У Корчагина и Леденева была одна общая дата: Корчагин родился в тот год, когда Леденев вступил в партию. Оба были типичные представители молодой и старой гвардии большевиков. У одного — большой жизненный и политический опыт, годы подполья, царских тюрем, потом — большой государственной работы; у другого — пламенная юность и всего лишь восемь лет борьбы, могущих сжечь не одну жизнь. И оба они — старый и молодой — имели горячие сердца и разбитое здоровье».

И когда через какое-то время я читала в рукописи эти строки второй части романа, я видела перед собой улыбку Николая Островского, от которой всегда так

хорошело его лицо, слышала его чуть глуховатый мягкий голос с оттенком милого лукавства: «Старику это будет приятно, как ты думаешь?».

Накануне отъезда в Сочи он написал мне:

«Дорогой товарищ Анна!

Завтра в 10 часов утра передвигаюсь на юг. Сделаю все, чтобы сколотить силенок для дальнейшего развертывания наступления.

Хочу пробыть в Сочи до глубокой осени. Буду держаться, пока хватит пороху».

Под «наступлением» он подразумевал работу над второй книгой романа «Как закалялась сталь». И это были не слова, а действительное обозначение того сложного, трудного, а порой и мучительного процесса, который Николай называл «моя работа».

Мне часто вспоминались его худые желтоватые руки, которые всегда лежали поверх одеяла, нервные, предельно чувствительные руки слепца. Сказать точнее — кисти рук, потому что двигать он мог только кистями рук: тяжелая болезнь суставов — артрит (одна из причин его смерти), очевидно вовремя не распознанная, уже овладела его телом.

Однажды (незадолго до отъезда в Сочи) он, по своему обыкновению подшучивая, говорил:

— Плечи и локти будто и не мои совсем — чудное дело!.. Вот только это мне и осталось, вот и все мое хозяйство!

И он с насмешливо-грустной улыбкой приподнял над одеялом кисти рук и пошевелил пальцами.

— Вот и управляйся как хочешь!

В начале августа 1932 года я получила от Николая письмо из Сочи. Оно было написано карандашом при

помощи транспаранта. Слишком прямые строчки и неестественно изогнутые буквы показывали, с каким напряжением физических сил и воли было написано это письмо.

«5 августа, Сочи. Приморская, 18.

Дорогой товарищ Анна!

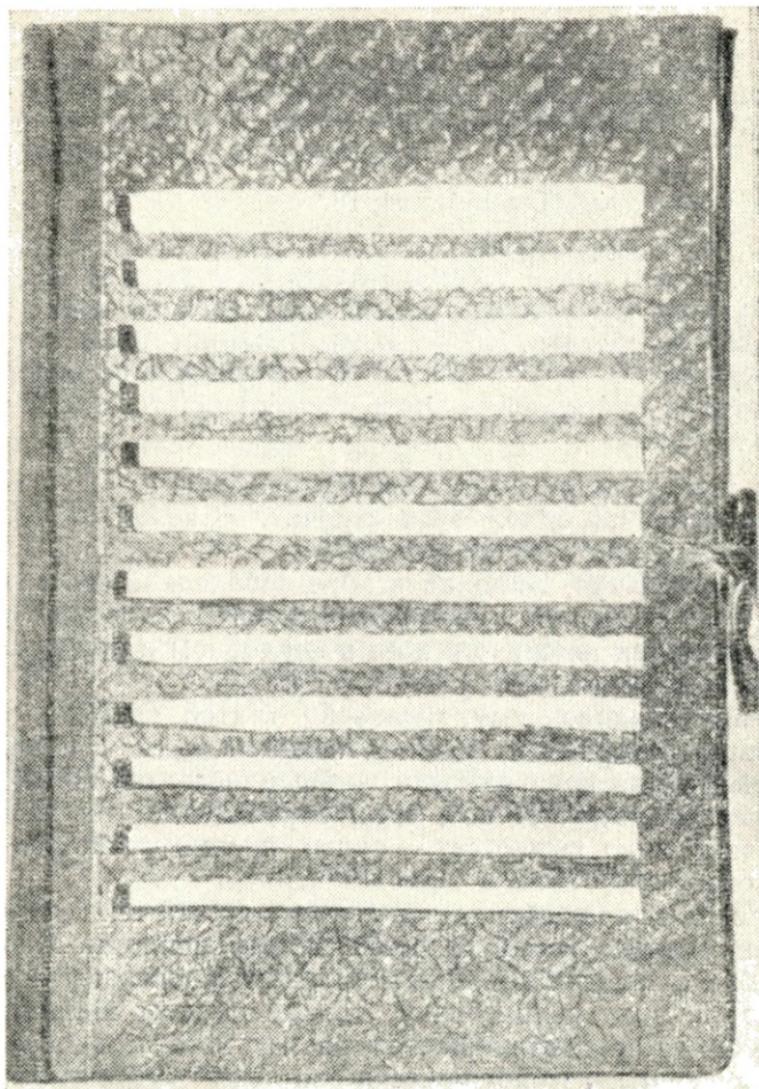
Я живу с матушкой у самого моря. Весь день во дворе под дубом и пишу, ловя хорошие дни (далее неразборчиво)... голова светлая. Спешу жить, товарищ Анна, чтобы не жалеть об утраченных днях, остановленное нелепой болезнью наступление вновь разворачивается, пожелай мне победы».

Силу и напряжение этого «наступления» можно почувствовать даже по одной этой строчке: «Спешу жить... чтобы не жалеть об утраченных днях».

Приехав в Сочи, Николай вскоре заболел. С опозданием друзья в Москве узнали, что сносную квартиру в Сочи он получил не сразу и жил в неудобном и вредном для него помещении.

Болезнь казалась ему «нелепой» тратой времени и совершенно нетерпимым препятствием на пути к цели. Его неукротимая воля помогла надорванному организму преодолеть болезнь. И вот, едва оправившись, он уже испытывает свою выдержку — пишет письмо «собственной рукой».

Я представляла себе: вот он лежит в густой тени дуба и часами диктует своим секретарям-добровольцам. Лоб его в поту, пушистые брови возбужденно поднимаются и опускаются, веки вздрагивают, тонкие пальцы щиплют одеяло. Он часто откашливается, он уже устал говорить, но воображение, изголодавшееся за эти «утраченные дни» болезни, жадно стремится наверстать, наверстать. Лоб его горит, сердце замирает: ему видится поле битвы,

Транспарант, с помощью которого Н. Островский писал

земля дрожит от грозного топота лихих коней, и бесстрашные всадники несутся как вихрь, разят врагов трудового народа. Николай Островский видит Москву первых лет мирного строительства, съезд комсомола в Большом театре, встречу с боевыми друзьями. «Скорее, скорее... Спешу жить...» — пишет он в письме.

В январском номере журнала «Молодая гвардия» за 1934 год начала печататься вторая книга романа «Как закалялась сталь».

По письмам Островского видно, как дорого, всеми нервами своими, платил он за это свое «наступление».

«...Я развертываю учебу. Трудно одному. Нет материалов. Нет квалифицированных людей, но все же я чувствую, как раздвигаются узкие рамки крошечного личного опыта и культурного багажа.. Как я прожил последние три месяца? Я отнял от литучебы массу времени и отдал его молодежи. Из кустаря-одиночки стал массовником. В моей квартире происходят заседания бюро комитета. Я стал руководом кружка партактива, стал председателем районного совета культстроительства, в общем продвинулся к практической работе партии вплотную и стал полезным парнишкой. Правда, я сжигаю много сил, но зато стало радостней жить на свете. „Комса“ вокруг».

«...Создал литкружок, как могу, так и руковожу им... Внимание партийного и комсомольского комитетов ко мне и моей работе большое. Партактив у меня бывает часто. Я ощущаю пульс жизни, я сознательно пожертвовал эти месяцы местной практике, чтобы прощупать сегодняшнее, актуальное».

И далее:

«И все же я много читаю. Прочел “Шагреновую кожу” Бальзака, „Воспоминания” В. Н. Фигнера, „Вступление” Германа, „Последний из удэге”, „Крутую ступень”,

«Анну Каренину», «Литнаследство», все №№ «Литкритики», „Дворянское гнездо”...».

Действительно, читал он много, сказать точнее, — жадно слушал, как ему читали то, что он сам назначал.

Его домашняя библиотека, особенно потом, уже в московской квартире на улице Горького, быстро заполнялась книгами. Не однажды радостно, как о дорогих сердцу подарках, рассказывал Николай о новых, им избранных книгах, которые появились на полках высоких шкафов в большой комнате. Классики разных стран и народов, многие произведения современных писателей, советских и зарубежных, — «по выбору, по сердцу», проза, поэзия, драматургия, критика, — все было ему интересно, все радовало и тем, что «близко, у себя дома».

Много раз вспоминал он мальчишеские годы, когда любая книга казалась ему недоступной по цене. И вот, какая радость, — «книги пришли домой», к нему, на полки.

Да, он очень любил, чтобы ему читали вслух. Особенно внимательно вслушивался он в звучание, как он называл, «разговорных страниц», диалогов в романе или пьесе. Не однажды случалось мне слышать его замечания о «внутренне-двигательной силе» слова, разговорно-целеустремленного, остроумного или красочного описания. Он любил говорить, что сам он ищет слова, которые «не вспыхивали бы как фейерверк, а горели бы стойким огнем». Особенно ценил Николай Островский точные и характерные описания выражений лица, манеры говорить, двигаться — дома, на улице, на работе и т. д.

О книгах Николай говорил часто и со многими друзьями. Наверно, еще и по этой причине мне, например, всегда не хватало времени, чтобы записывать наши «книжные» разговоры — было их много, они развивались

так живо и непосредственно, что надо было записывать уже просто стенографически.

Чтение, т. е. его жадно-внимательное «впитывание» читаемого, как мне всегда казалось, была все та же сила и «восторг делания», все то же неукротимое желание быть полезным жизни, партии, своему классу. О работе, о книгах он готов был говорить всегда.

А вот о том, как сильно он болел, мы узнавали намного позже. В апреле 1934 года он писал:

«...Я едва было не погиб... Целый месяц шла ожесточенная борьба. Сейчас все это позади, силы возвращаются с каждым днем...» Немного оправившись от болезни, он уже готов откликнуться немедленно на наш призыв написать статью для журнала о языке. После известных статей Алексея Максимовича Горького в «Правде» Союз писателей организовал дискуссию о языке. Мы, редакция журнала, обратились в первую очередь к любимому нами автору — Коле Островскому.

В том же письме, где он сообщал о том, что чуть было не погиб, он твердо обещал:

«Я с удовольствием буду работать над статьей о языке для журнала. Это такая большая и злободневная проблема не только сегодняшнего дня. Я сам хотел написать об этом и уже в основном продумал содержание, т. е. сделал самое главное. Завтра же начинаю писать, а через неделю отпечатаю и вышлю...».

Статья была выслана точно к сроку и напечатана в журнале.

В начале осени 1934 года, после Первого съезда писателей, я поехала на Кавказ. По дороге в санаторий я сделала остановку в Сочи, у Островских, где провела два-три дня. Отвечая на многие вопросы Коли, я могла порадовать его тем, что в один из перерывов в работе

съезда у меня был о нем разговор с Алексеем Максимовичем Горьким.

Помню, как Горький, внимательно выслушав меня, задал несколько вопросов об Островском: как живет и работает молодой писатель, кто ухаживает за ним, как его лечат, какие у него технические помощники-секретари. Я ответила на все эти вопросы и добавила, что, будь бы у нашего друга силы и здоровье, он так же, как и многие другие, был бы счастлив говорить с Алексеем Максимовичем, пожать ему руку, подарить свою книгу. В конце разговора я добавила, что мы, редакция журнала «Молодая гвардия», хлопочем о том, чтобы Николай Островский получил приличную квартиру в Москве. Горький, одобрительно кивнув, сказал: «Это будет очень хорошо». Таким добрым пожеланием разговор наш и закончился.

Книга Островского все глубже проникала в массы, все больше получал он писем, что на местах книгу нельзя достать. Вопросы издания книги все чаще беспокоили Николая. Большевицкое чутье безошибочно подсказывало, что книга его «Как закалялась сталь» и действительно помогает партии и комсомолу выковывать характеры новых кадров строителей социализма. Он знал, что роман сам нашел путь к сердцу читателя.

К домику Островского в Сочи, на тенистой Ореховой улице, стали совершаться целые паломничества. В садике у ложа Островского побывали тысячи людей.

В мой приезд в Сочи осенью 1934 года он рассказал мне:

— Знаешь, мне как писателю здорово везет: искать героев мне, как видишь, не приходится — они сами ко мне идут. В одном я незадачливый парень: не смогу их видеть! Но тем сильнее я их чувствую, тем острее переживаю присутствие каждого из них. И будьте спокойненьки: я ничего интересного не пропущу!

— Я часто думаю о труде, — говорил он дальше, — потому что с потрясающей силой чувствую, что такое труд в нашей стране. Капитализм не только эксплуатирует и обескровливает тружеников — он принижает как только можно и само понятие о труде, суживает его, обедняет до крайности. А у нас какое многообразное и богатейшее понятие — труд, трудящиеся... Я выслушиваю рассказы о труде множества людей: металлистов, шахтеров, сталеваров, электриков, железнодорожных машинистов, кочегаров, счетоводов, учителей, артистов, художников. А какие замечательные люди руководят у нас в колхозах!.. Иной колхозный бригадир или бригадирша просто как на ладони тебе жизнь покажут. Какие характеры! А знания и опыт жизни какие — сердце радуется!..

— Душевные качества — как будто скромное выражение, но мы в него вложили такие богатства, какие никто и никогда не вкладывал в это дело. Кто другой мог иметь челюскинцев? Ну-ка?

Реалист, человек практики всегда говорил в нем, недаром он прошел тяжелую школу жизни. Радостно и гордо отмечая каждую прекрасную человеческую черту, он острее и проникновеннее многих чувствовал всякую мелкотравчатость. Его возмущали «безответственная грызня и антагонизм», мелкая зависть к чужим успехам и злорадство по поводу чужих поражений. Пошлость, тупость, самодовольство оскорбляли его так, как будто он испытывал их непосредственно на себе.

В письме 1934 года он пишет:

«...хотя, сказать по совести, я и сейчас живу намного радостнее и счастливее, чем многие из тех, кто приходит ко мне, и, наверно, из любопытства. У них здоровые тела, но жизнь они проживают бесцветно, скучно. Хотя у них видят оба глаза, но взгляд у них безразличный и, наверно, скучающий. Они, наверно, меня считают несчастным

и думают — не дай господь мне попасть на его место, а я думаю об их убожестве и о том, что ни за что не обменял бы роли».

Надо ли что-либо еще добавлять к этим строкам, которые с предельной выразительностью говорят сами за себя?

Жизнь Николая в Сочи была действительно ярче и полней, чем у многих. Он начинал день полным планов, неукротимой энергии, благородного упорства. Островский показал, как надо коммунисту жить и работать, побеждать даже самые трагические «объективные» обстоятельства, к которым относится и тяжелейшая неизлечимая болезнь.

Новой и волнующей темой наших разговоров были сообщения Николая о работе над романом «Рожденные бурей». Он неоднократно напоминал о главном идейно-политическом назначении нового романа: молодое наше поколение, выросшее в условиях социалистического общества, обязано знать о надвигающейся опасности фашизма, знать подлинное лицо классового врага. Роман этот задуман как «антифашистско-политический роман», разоблачающий «личины» врагов всех мастей на земле Западной Украины. Конечно, ему предстоит изучить множество исторических материалов, которые можно найти только в Москве... Художественное воплощение нового творческого замысла и предстоящая большая работа по изучению документально-исторических материалов были бы достаточно трудны и для человека крепкого здоровья. То подлинно неугасимое стремление художника-борца радостно, с открытым сердцем, идти навстречу новым и трудным испытаниям требовало от него просто небывалого напряжения сил.

Каждый его друг, радуясь неистощимой творческой энергии Островского, не мог не видеть, как волновала

его мысль о том, что серьезной критической статьи о «Как закалялась сталь» до сих пор не появилось. А ведь по всей, что называется, справедливости, должно было быть достойно отмечено произведение, заслужившее широкое признание читателей. Уже начато было и новое произведение, которое своей идейной значимостью, а также галереей образов показывало стремительное мужание таланта молодого писателя.

С кем говорить на эту важную тему — о статье, посвященной творчеству Николая Островского — мне было ясно: конечно же, с широко известным критиком и фельетонистом «Правды» Михаилом Ефимовичем Кольцовым. К тому времени мне уже довелось познакомиться с Михаилом Ефимовичем. В ответ на кратко изложенную мной просьбу он тут же назначил день и час встречи, которая и состоялась в точно назначенное время. В той же беседе была обсуждена и проблема автобиографичности романа, которая якобы мешала появлению серьезной критической статьи. Михаил Кольцов, выслушав меня, сказал:

— Убедительно.

Только для этого ему нужно время. Он, конечно, побывает в Сочи, познакомится, поговорит «по душам» с Николаем Островским — и тогда можно будет приняться за статью о романе «Как закалялась сталь».

17 марта 1935 года в «Правде» была опубликована прекрасная статья Михаила Кольцова «Мужество», посвященная Николаю Островскому.

Никто в «Молодой гвардии» не знал, что статья о романе «Как закалялась сталь» готовится к печати и в «Литературной газете». 5 апреля 1935 года эта статья — критика Б. Дайреджиева — была опубликована. В телеграмме, присланной в редакцию журнала «Молодая гвардия», Николай Островский писал: «Прочел вуль-

гарную статью Дайреджиева. Сердечно болен, однако ответу ударом сабли Литературной газете, копию письма вам пришлю». 11 апреля 1935 года Островский, больной (воспаление легких!), пишет ответ на статью Дайреджиева (Н. Островский. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3 «Письма». «Молодая гвардия», 1968, стр. 284). «Литературная газета», которая, конечно, обязана была напечатать ее, вопреки обычаям авторского равноправия, решила... отмолчаться. Тогда А. С. Серафимович, редактор журнала «Молодая гвардия» А. Караваева, секретарь ЦК ВЛКСМ С. Салтанов, поэт А. Безыменский, зам. редактора журнала «Молодая гвардия» М. Колосов, очеркист «Комсомольской правды» Г. Киш, зам. редактора «Комсомольской правды» П. Бирюлин написали коллективное письмо, протестующее против произвольного толкования «Как закалялась сталь». Оно было напечатано в «Правде» 14 апреля 1935 года.

В письме от 2 мая 1935 года, которое дышит полной радостью жизни, Островский писал: «Первый май у меня прошел прекрасно. Все руководство горкома, командование погранотрядом, редактор краевой газеты „Молот“ этот день после демонстрации провели у меня... Пишу наспех, в коротком перерыве. Вскоре придут гости — комсомольский актив. Повеселимся. Горком партии „за ударную работу на литературном фронте“ премировал меня патефоном.

Вчера послал М. Кольцову телеграмму следующего содержания:

«Москва. „Правда“. Михаилу Кольцову.

Пламенный первомайский привет. Глубоко признателен Центральному органу Партии „Правда“ за большевистское внимание, защиту. Уважающий вас /подпись/.

Как радостно было читать это и последующие жизнерадостные письма нашего друга и знать, что востор-

жествовала партийная и творческая справедливость!

Когда теперь, много лет спустя, перечитываешь письма Коли Островского, радость, переполнявшая его душу, звучит в каждой строке.

В августе 1935 года он писал из Сочи:

«...Жизнь за мое упорство вернула мне счастье безмерное, изумительное, прекрасное, и я забыл все предупреждения и угрозы моих эскулапов. Я забыл о том, что у меня так мало физических сил. Стремительный человеческий конвейер — комсомольская молодежь, знатные люди заводов и шахт, героические строители нашего счастья, привлеченные ко мне „Как закалялась сталь“, зажигали во мне, казалось, затухающий огонь. Я вновь стал страстным агитатором, пропагандистом. Я часто забывал даже свое место в строю, где мне приказано больше работать пером, чем языком... Тысячи писем, полученных мной со всех концов Союза, зовут меня в наступление, а я занят ликвидацией внутреннего мятежа. Несмотря на всю опасность, я, конечно, не погибну и на этот раз, хотя бы уж потому, что я не выполнил данное мне партией задание. Я обязан написать „Рожденные бурей“. И не просто написать, а вложить в эту книгу огонь своего сердца...».

Радость, которая «звонит в наступление», воодушевляет его новой творческой мечтой:

«Должен написать книгу для детей — „Детство Павки“». И непременно книгу о счастье Павки Корчагина. Это, при напряженной большевистской работе, — пять лет. Вот минимум моей жизни, на который я должен ориентироваться. Ты улыбаешься. Но иначе не может быть. Врачи тоже улыбаются растерянно и недоумевающе. И все же долг прежде всего. Потому я — за пятилетку, как минимум.

Скажи, Анна, где найдется такой безумец, чтобы уйти от жизни в такое изумительное время, как наше!».

А в ноябре 1935 года пришло от Николая взволнованное письмо:

«...на днях ко мне приедет член правительства для вручения ордена. Это задержит мой отъезд. Также я должен получить еще разрешение на поездку в Москву, так как я опять прихворнул немного. Когда все выяснится, напишу подробно и точно назначу день. Есть много о чем рассказывать.., но жду встречи, в письме всего не опишешь. Горячий привет мой „молодогвардейцам“, жму крепко руку Марку. Обнимаю и целую Сонечку *... Всего хорошего, мои дорогие!

Преданный вам Н. Островский.

Привет от моего колхоза».

Мы были заняты хлопотами по устройству квартиры для него на улице Горького, № 40 (ныне № 14).

Помню зимний день 11 декабря 1935 года. Мы небольшой группой поехали в Серпухов встречать Николая Островского.

Когда поезд остановился, мы побежали к ярко-зеленому служебному вагону. В купе, где лежал Коля, было жарко. Слабый свет из коридора бросал на его лицо синеватые тени. Он похудел, но смеялся так заразительно, так сверкали его белые зубы, так играло сухощавое, тонкое лицо, что я, как всегда, забыла о его болезни.

— Вояка возвращается в строй! — шутил Николай и все рассказывал о встречах, которые устраивала ему в пути молодежь. Как мне хотелось видеть лица этих чудесных ребят!.. Я так чувствовал их всех, они были так

* Соня Стесина — заведующая редакцией журнала «Молодая гвардия» в 30-е годы.

близки и дороги мне, что мне иногда казалось, будто я и впрямь их вижу... Конечно, думал я в те минуты, нет сейчас на свете парня счастливее меня. Но если бы я видел, я бы мог сильнее передать моей дорогой «комсе», как я люблю ее!

Через несколько дней мы встретились с Колей уже в его новой квартире на улице Горького. В большой высокой комнате было жарко — две электропечи поддерживали температуру летнего полдня — в двадцать пять — двадцать шесть градусов.

Коля в белой вышитой украинской рубашке лежал, как всегда, высоко на подушках. Таким я его еще никогда не видела. Впалые щеки его порозовели, темно-каштановые волосы мягко распушились над высоким белым лбом, какая-то особенная, сосредоточенно-счастливая улыбка освещала его лицо. И все находившиеся тогда в комнате любящие его люди весело переглядывались: так играла в каждой черте этого лица сила жизни, чудесная, неистошима.

Разговор был оживленным и шумным. Кто-то вдруг забеспокоился и спросил хозяина — не очень ли расшумелись гости?

— Нет, нет, уж новоселье, так новоселье! — засмеялся он.

Однажды я зашла к нему вечером, когда его трудовой день только что закончился... Я спросила, сколько же часов он сегодня работал?

— Да так, мало-мало... — начал он лукавить, а потом признался: — Около десяти часов. Не одобряешь? Но ведь как я наголодался, как стосковался о работе... ей-ей, влюбленные меньше скучают!.. А настроение какое после работы бывает — ты же по себе знаешь!.. Ушла моя секретарша, я начал следующую сцену обдумывать и так ярко все увидел, что так бы и принялся опять за

диктовку!.. В такие минуты счастливее меня нет человека на свете... И вообще — разве я не счастливый парень?.. Ого, да еще какой!

Жалости, снисходительности, сентиментального отношения к себе как к больному Николай не выносил. Он был чрезвычайно чуток и сразу распознавал даже малейшую перемену настроения своих близких, друзей. У него был свой секрет ободрять людей. Он старался точно уяснить причину чужих волнений, советовал деловито, просто, немногословно, очень мягко, тактично подчеркивая и выделяя то, ради чего, по его мнению, не стоило портить себе кровь.

Это умение разобраться во всем с объективной и страстной серьезностью было одной из самых сильных большевистских черт его характера. Он точно знал, что он любил и что ненавидел. Первостепенное значение имело то, что он с самой ранней юности оказался в огне классовой борьбы, которая обогатила его зорким и острым знанием действительности. Его мысли о современности, о людях и событиях поражали своей ясностью, верностью взгляда и такой непосредственной, свежей силой чувства, словно он чудесно, как в сказке, облетел нашу землю, услышал все ее ветры и голоса, увидел многообразную красоту ее. Выражение любви к его «детищу» он принимал как заработанное трудом. Вдохновение и труд, постоянный, неукротимый, требовательный к себе труд художника слова, неустанное изучение жизни, прошлого и настоящего, изучение людей, глубокое проникновение в их жизнь, характеры, деятельность, в причины успехов, взлетов и падений, — «это же целая академия опыта!» — любил он повторять.

После первого всемирного писательского Конгресса защиты культуры против войны и фашизма в Париже летом 1935 года я немало рассказывала Коле о своих впечатлениях.

тлениях. К нам, советским писателям, французы были особенно внимательны: советовали, что в первую очередь нужно посмотреть в Париже, а случалось — и посылали к нам друзей-парижан, знатоков своей столицы, которые нас сопровождали. Вот так, например, ходили мы по парижскому Пантеону и по тихим тропам кладбища Пер-Лашез, направляясь к могиле Бальзака. Творчество этого великого писателя особенно ценил Николай Островский.

— Вот труженик был! — сказал Николай. — Если бы я знал, что Бальзаку его создания доставались легко, я не мог бы его любить и уважать по-настоящему. Слово — это же такая трудоемкая работа! Попробуй вырази все, что кипит в тебе, вырази так, чтобы хотя робко ты мог сказать: «Да, это малость похоже на ту бурю и солнце, что во мне...» И пока-то найдешь нужное и, как тебе кажется, настоящее, сколько шлака надо выкинуть. Иногда обозлишься на себя: «Ах, черт!.. Не довелось мне испытать счастья учиться год за годом, накапливать знания не торопясь, постепенно...». Я ведь ночами книги глотал, учился урывками... Эх!.. Потом раздумаешься, повеселеешь опять: «А все-таки, как ни трудно подчас парню отчаянной жизни, как я, к примеру, — все-таки каким огромным богатством я обладаю, какую могучую идею жизни и борьбы дала нам наша партия, учение Ленина, это руководство трудящемуся человечеству на века!.. А у кого до нас такие идейные и моральные богатства были? Никогда, ни у кого!.. Думаешь только о том, как бы стать достойным того, что тебе дано. А для этого один способ: работать, работать, чтобы все в тебе горело, как хороший костер!.. Работать, не покладая рук, для этого мы живем!».

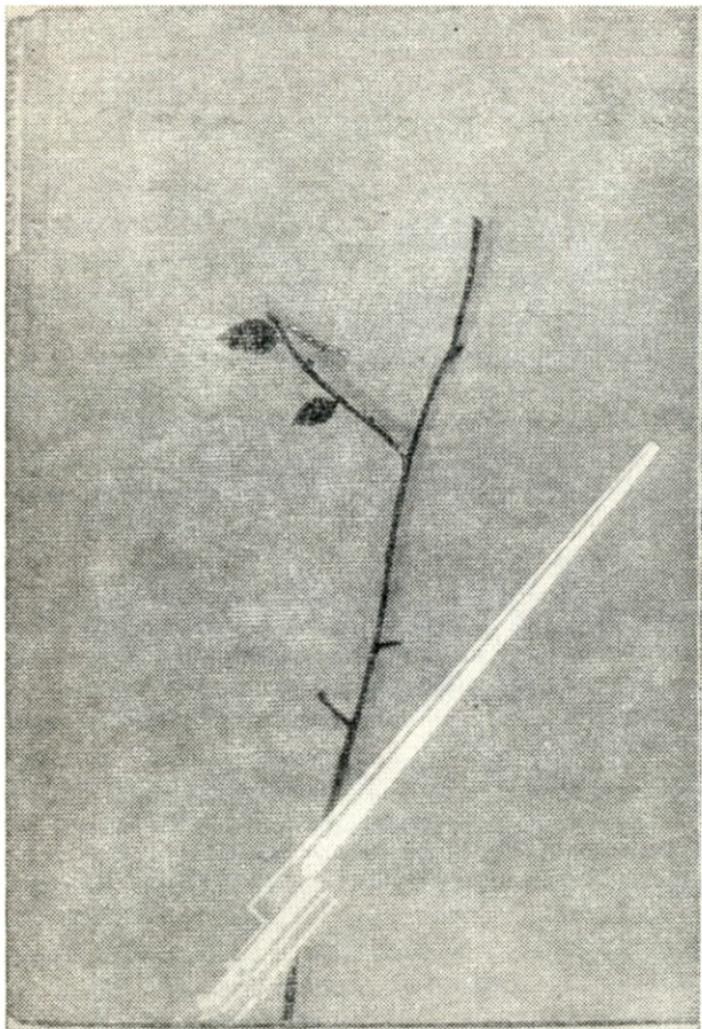
И каждый, кто хоть раз встречался с ним, знает, как он работал.

Его секретари А. П. Лазарева и Л. Ю. Рабинович рассказывали, как напряженно трудился он в последние дни своей жизни. Уставали секретари, работая в две три смены, а он не знал никаких смен и с подлинным упорством бойца шел к завершению работы над первой частью романа «Рожденные бурей». Он обещал ЦК ВЛКСМ закончить первую часть романа к половине декабря и сдержал слово.

Первого июня 1934 года Николай Островский был принят в члены Союза советских писателей. Первого октября 1935 года Центральный Исполнительный Комитет СССР наградил Николая Островского орденом Ленина. А 24 ноября, в Сочи, незадолго по переезда писателя в Москву, Г. И. Петровский прикрепил к груди писателя орден Ленина, — вот они, счастливые даты жизни!

Мария Ильинична и Дмитрий Ильич Ульяновы были в гостях у Николая Островского, а сердечными словами своего письма доставили ему радость незабываемую: «Дорогой и родной Николай Алексеевич! Горячо поздравляем с заслуженной высокой наградой, завоеванной могучей волей и настоящим большевистским упорством. Гордимся и радуемся высокому качеству доброй стали. Верим вместе с Вами в дальнейшие успехи на новом фронте. Крепко жмем руки. Ваши Дм. Ульянов, М. Ульянова».

Секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев послал новому орденосцу самого высокого ордена страны Островскому сердечное приветствие: «Родному сыну ленинского комсомола, мужественнейшему бойцу, раненному тяжелой болезнью, но не сложившему большевистского оружия, счастливого любовью молодого поколения писателя шлет свой братский привет и горячие поздравления

Первое издание романа «Как закалялась сталь». Часть 1-я. 1932 г. Переплет

НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ

КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

ЧАСТЬ 2-я

ОГИЗ * НИКОЛАЙ ГАРДЕНЯ

1934

Первое издание романа «Как закалялась сталь». Часть 2-я. 1934 г. Титульный лист

ЦК ВЛКСМ. Желаем тебе, дорогой товарищ, больших сил и бодрости, чтобы твой пример и твое слово еще долго помогали партии и комсомолу воспитывать закаленных как сталь людей молодого поколения, рожденного бурей».

В газетах и журналах стали чаще появляться отклики и статьи о творчестве Николая Островского.

Человек иного характера, чем он, не преминул хотя бы однажды выразить свое удовлетворение по этому поводу. А у Николая Островского были свои серьезные замечания, особенно в отношении похвальных отзывов о романе «Как закалялась сталь». В похвалах критики он сразу отделял «честность и серьезность» от разных «сластей».

— Ну, разве не «сладость» это? — сказал он однажды. — Подумай, в одной статье назвали меня ни много ни мало... «великим советским классиком»... У людей все в голове развинтилось... ей-ей!.. Я же молодой писатель, мне столько учиться надо, а они... Хорошо, что меня подобными восторгами с пути не собьешь!..

Самым неприемлемым для него был, как он называл, «подход со скидкой», когда люди говорили не о героях романа, а о «необыкновенной жизни» автора.

Николай неустанно повторял, что ему надо учиться. Он знал, чего ему недостает, но он также хорошо знал и то, в чем он силен. Он не принадлежал к числу тех литераторов, которые, обладая внешними данными опыта, внутренне бессильны. Они регистрируют, схематизируют, умствуют, но ничего нового, свежего открыть не могут. Он знал, что его герои воплотили в себе высокий пламень любви и ненависти, непримиримую жажду победы над врагами трудового народа. Он знал, что бесстрашные, необычайно цельные и сильные характеры его героев родились в этой борьбе, воспитаны революцией,

партией, комсомолом и живут не по рекомендации автора, а имеют собственное бытие полноценно художественных образов.

День его проходил по жесткому плану. С утра несколько часов напряженнейшей работы: он диктовал секретарю, потом заставлял перечитывать написанное, раз, другой, третий... Потом небольшой перерыв на обед — и опять за работу. Затем чтение газет, книжных новинок или классиков. Вечер заканчивался радиомузыкой и последними известиями.

Однажды, собравшись тесным кругом в его комнате, мы слушали концерт, своеобразный подарок Всесоюзного радиокомитета. Концерт был составлен из музыкальных произведений, которые особенно любил Николай Островский. Когда концерт закончился, он заговорил мягко и раздумчиво:

— Вот оно, счастье... Думал ли я, что когда-нибудь буду слушать концерт, посвященный мне, а?.. Это только наши выдумают!

Потом мы разговорились о музыке. Он вспомнил детские годы, когда, бывало, останавливался под чужими окнами, чтобы послушать, как играют на рояле.

— Меня этот инструмент всегда притягивал к себе и изумлял чрезвычайно. Какие чудные могучие звуки пробуждает в нем человеческая рука!.. О таком инструменте мне, конечно, и мечтать не приходилось... но, когда я выучился играть на гармонии, я почувствовал гордость, что из-под моих рук льются звуки песни. Как я любил ее!.. С гармонью мы и на фронте не расставались... хорошо в бой с песней идти!

Он вспомнил «беспросветные годы», когда служил на вокзале «буфетным мальчиком».

— Занятие это было, мало сказать, тяжелое — то принеси, другое принеси, сбегай, дуй, слетай! Уж очень

жизнь я видел тогда снизу, знаешь, как грязные ноги прохожих видишь из окна подвала. Сколько погибших людей прошло перед моими глазами — не счастье!.. И умные были, и талантливые, и чудачки, бесхитростные, как дети, и озлобленные, как собаки, загнанные на охоте... Сколько ужасных картин унижения человеческого я навидался, я, «буфетный мальчик»... И всего жальче, всего страшнее мне было за женщин, за девушек, совсем молодых, которые прямо на глазах сбивались с пути... Но чем больше страшного и жалкого я видел, тем сильнее росла во мне думка: «Не могут люди жить так всегда, лопнет у них наконец терпение... не настоящая это жизнь для человека!.. Жизнь, которая так страшно унижает и губит женщину, нашу мать, сестру, жену... — какая это черту жизнь, какой это строй?! Только революционеры могут научить мир, как надо ценить и беречь женщину!

Разговор перешел на тему о женских образах романа. О них он говорил всегда горячо и серьезно. Он хотел показать в романе большие чувства любви и дружбы и подлинно нравственное, человеческое отношение к женщине-товарищу.

— Может быть дружба без любви, но мелка та любовь, в которой нет дружбы, товарищества, общих интересов...

Он заговорил о письме, полученном от одной читательницы — молодой женщины. Она жаловалась что жизнь ее с любимым человеком сложилась неудачно, что она в нем разочаровалась и т. д.

— Портят себе люди жизнь ни за грош-копейку, — хмурясь, сказал Коля. — Начнут с шуточки, с этакой размашистой беспечности: ах, личные, мол, чувства! Чувство — это, мол, только мое и твое дело... как хотим, так и устраиваемся. Какое недомыслие!.. Все наши достоинства и проступки в конечном счете достаются обществу,

в котором мы работаем и для которого живем. Легкомысленные, себялюбивые люди воображают, что они только себе испортили жизнь, а рядом с ними в самом начале испорчена жизнь их детей... Нет, в этом вопросе человек вполне определенно показывает свою внутреннюю сущность...

— А знаешь... — заговорил он, немного помолчав. — Недавно мне Тоня Туманова написала письмо, то есть не Тоня... ну, ты понимаешь, а та, с которой я написал Тоню. Подумай, не забыла меня...

Он на несколько минут замолчал и лежал тихий, сосредоточенный. Потом как бы встряхнулся и начал рассказывать о Тоне Тумановой. Жизнь ее не удалась. Инженер, в которого она влюбилась и за которого вышла замуж, оказался слабым и дурным человеком. Она разошлась с ним, живет теперь самостоятельно, учительствует, а дети (их двое) учатся.

— Хорошая, душевная была девушка, только для борьбы не годилась. Так нередко и бывало: люди, которые не умели бороться за общее дело, и своей жизни построить не сумели.

Здесь полезно вспомнить некоторые проблемные читательские обсуждения, особенно в первые месяцы после выхода романа «Как закалялась сталь». Страницы, посвященные любви, дружбе и семейным отношениям, неизменно привлекали внимание, особенно молодых читателей. Большая часть этой пытливой молодежи, порой совсем еще юной, только начинала свою сознательную жизнь. Наряду с «главными» вопросами — школы, успеваемости, комсомольской дисциплины и т. д. — их уже интересовали проблемы дружбы, симпатий или «антипатий», а также разные причины этих противоречивых чувств, вкусов. Возникали серьезные разговоры и о первых проявлениях дружбы, похожей на любовь, и о любви,

которая в действительности просто дружба, и т. д. Возникали споры и о девичьих образах в романе «Как закалялась сталь». Тоня Туманова, девочка из интеллигентной семьи, по-своему добрая, но не понимавшая, что такое борьба; Валя Брузжак, погибшая в борьбе, или несчастная, загубленная в тюрьме Христина, замечательная девушка Рита Устинович, умная, красивая, политически развитая и, наконец, Тая Кюцам, скромная, тихая девушка из трудной, расколовшейся семьи, — как разные эти женские образы романа!.. Казалось бы, нередко говорили девушки и юноши, больше всего подходила к характеру Павки Корчагина красивая, умная Рита Устинович. А вышло совсем не так. Павел полюбил и назвал своей женой тихую, на первый взгляд, даже незаметную Таю Кюцам, полюбил девушку, которая, казалось бы, меньше других подходила к революционно-порывистой и талантливой натуре Павла. Не было случая, чтобы проблема зарождения и развития глубокого чувства осталась в тени — историю этой молодой любви обсуждали вдумчиво и серьезно. Примечательно, что в романе близко стоят одно к другому два события: картина трагедийного размышления Павла в тишине загородного парка и после этого решительный разговор с Таей.

Картина мучительного раздумья в парке, как и страницы объяснения в любви, принадлежат к важнейшим в романе по своему нравственно-принципиальному значению, и, право, стоит привести эти незабываемые страницы:

«Павел нашел скамью на выступе у моря, сел, подставив лицо лучам уже не жаркого солнца.

Сюда, в эту тишину приехал он, чтобы подумать над тем, как складывается жизнь и что с этой жизнью делать. Пора было подвести итоги и вынести решение...

...Далеко, почти на горизонте, темной тучкой стлался

дымчатый след парохода. Стая чаек пронзительно вскрикивала, кидаясь в море.

Корчагин обхватил голову руками и тяжело задумался. Перед его глазами пробежала вся его жизнь, с детства и до последних дней. Хорошо ли, плохо ли он прожил свои двадцать четыре года? Перебирая в памяти год за годом, проверял свою жизнь, как беспристрастный судья, и с глубоким удовлетворением решил, что жизнь прожита не так уж плохо. Но было немало и ошибок, сделанных по дури, по молодости, а больше всего по незнанию. Самое же главное — не проспал горячих дней, нашел свое место в железной схватке за власть, и на багряном знамени революции есть и его несколько капель крови.

Из строя он не уходил, пока не иссякли силы. Сейчас, подбитый, он не может держать фронт, и ему оставалось одно — тыловые лазареты. Помнил он, когда шли лавины под Варшаву, пуля срезала бойца. И боец упал на землю, под ноги коня. Товарищи наскоро перевязали раненого, сдали санитарам и неслись дальше — догонять врага. Эскадрон не останавливал свой бег из-за потери бойца. В борьбе за великое дело так было и так должно быть...

Как же должен он поступить с собой сейчас, после разгрома, когда нет надежды на возвращение в строй?..

Для чего жить, когда он уже потерял самое дорогое — способность бороться? Чем оправдать свою жизнь сейчас и в безотрадном завтра? Чем заполнить ее? Просто есть, пить и дышать? Остаться беспомощным свидетелем того, как товарищи с боем будут продвигаться вперед? Стать отряду обузой? Что, вывести в расход предавшее его тело? Пуля в сердце — и никаких гвоздей! Умел неплохо жить, умею вовремя и кончить. Кто осудит бойца, не желающего агонизировать?

Рука его нащупала в кармане плоское тело браунин-

га, пальцы привычным движением схватили рукоять. Медленно вытащил револьвер.

„Кто бы мог подумать, что ты доживешь до такого дня?“

Дуло презрительно глянуло ему в глаза. Павел положил револьвер на колени и злобно выругался.

— Все это бумажный героизм, братишка! Шлепнуть себя каждый дурак сумеет и во всякое время. Это самый трусливый и легкий выход из положения. Трудно жить — шлепайся. А ты попробовал эту жизнь победить? Ты все сделал, чтобы вырваться из железного кольца? А ты забыл, как под Новоград-Волынском семнадцать раз в день в атаку ходили и взяли-таки наперекор всему? Спрячь револьвер и никому никогда об этом не рассказывай! Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной».

А что значит в понимании Павла Корчагина «полезная жизнь»? В начале и в дальнейшем развитии романа мы видели Павла Корчагина в неустанном движении, полным действенно направленной воли и ясного революционного сознания, отданных борьбе за советскую власть и за благородное, социалистическое переустройство жизни и сознания людей. Но вот беспощадные законы физической природы человека лишили эту пламенную натуру возможности двигаться и действенно вмешиваться в жизнь. Но все то, что он видел, испытал, за что честно дрался, как драгоценный клад, осталось в его памяти, и можно ли, нравственно ли с точки зрения революционной общности поколений хранить опыт битвы и социалистического созидания только в себе и для себя? Конечно, нет: весь этот опыт — общее достояние, которое служит нам всем и теперь.

Павка Корчагин как один из всемирно известных героев советской литературы видел и изучал жизнь во всех

ее проявлениях. Не случайно в круг его внимания попала и скромная милая Тая с ее трудной домашней долей из-за отца-сумасброда и брата-баловня, лентяя и откровенного эгоиста. Тихая и робкая Тая, как заметил это Павел, нуждалась в дружеской поддержке и понимании. Павел увидел в ней наряду с робостью скрытую нежность и глубокое сочувствие всем его бедам, жданным и неожиданным. Именно Тае рассказал Павел о том, что произошло с ним в загородном парке.

«...Жизнь так поворачивается, что мне даже чудновато немного. Я все эти дни прожил неважно. Для меня было неясно, как дальше жить на свете. Никогда еще в моей жизни не было так темно, как в эти дни. Но сегодня я устроил заседание „политбюро“ и вынес огромной важности решение. Ты не удивляйся, что я тебя посвящаю...

И у тебя и у меня личная жизнь сейчас безрадостна. Я решил запалить ее пожаром. Ты понимаешь, что это значит? Ты станешь моей подругой, женой?..

Я не требую от тебя сегодня ответа, Тая. Ты обо всем крепко подумай... я тебе даю руку, девочка, вот она. Если ты на этот раз согласишься, то не обманешься. У меня есть много того, что нужно тебе, и наоборот. Я уже решил: союз наш заключается до тех пор, пока ты не вырастешь в настоящего, нашего человека, а я это сделаю, иначе грош мне цена в большой базарный день. До тех пор мы союза рвать не должны. А вырастешь — свободна от всяких обязательств. Кто знает, может так статься, что я физически стану совсем развалиной, и ты помни, что и в этом случае не свяжу твоей жизни.

Помолчав несколько секунд, он продолжал тепло, ласково:

— Сейчас же я предлагаю тебе дружбу и любовь».

Сколько раз случалось мне слышать на обсуждени-

ях романа эти строки! И с полной уверенностью можно сказать, что это признание в любви всегда воспринималось, как некое откровение, как благородный сплав чувств и размышлений, чистейшей правды и горячей романтики, естественной, как само дыхание, как биение сердца.

Эти страницы романа, а также страницы-размышления Павла в загородном парке всегда читались вслух в наступившей чуткой тишине. Только бывало иногда, что манера чтения не удовлетворяла слушателей, — нет, не так надо читать эти страницы! И тогда кто-то, в подлинно творческом порыве, снова взволнованно читал те строки, где чувства любви и дружбы сливаются у Павла с чувством ответственности за счастье и за будущее девушки, которую он полюбил. Это было подлинно новое осознание любви, которым обогатила нас великая Октябрьская эпоха, эпоха борьбы и становления нового человека, строителя социализма.

Образ Павки Корчагина — памятный шаг вперед в духовном развитии нашей, советской молодежи. Жизнь требовала от Павки умения «глядеть в оба» и ясно понимать, кто идет ему навстречу, враг или друг. Враги всех мастей и наций с бешеной злобой обрушили на Советскую республику всю мощь своего оружия. На долю юных Павки Корчагина и его верных друзей выпала честь отстаивать власть рабочих и крестьян. Они рано повзрослели в этой борьбе. В их характере появились черты, не знакомые героям старой литературы. Война не па жизнь, а на смерть, за идеалы общества, которым правит трудовой народ, в интересах трудового народа, была овеяна для них горячим ветром революционной романтики.

С первых дней нашей дружбы Николай Островский рассказывал мне, какое глубокое впечатление произвел

на него роман «Овод». Известно, что роман Лилиан Войнич в конце XIX века впервые был переведен в России. О нем много писали, и невозможно было представить себе городскую библиотеку начала нашего века, которая не имела бы этой популярнейшей книги. Прочитав роман «Овод» в годы детства и юности, многие люди и в зрелом возрасте перечитывали его, чтобы «подышать воздухом свободы, храбрости, и борьбы», как говорил об «Оводе» Николай Островский. Так же влюбленно читает бойцам роман «Овод» Павел Корчагин у фронтового костра. «Очень действует на меня эта книжка!» — признается Павел Корчагин. Читатель легко себе представлял, как выразительно рассказывал Павел слушателям о своем любимом герое: «одиннадцать пар глаз, неподвижно уставленных на чтеца»... и несколько минут всеобщего молчания ясно показывают, как передавалась слушателям романтическая взволнованность Павки от встречи с любимым героем, с образом нестигаемого революционера, который и перед смертью не дрогнет. Командир полка Пузыревский вполне обоснованно после чтения ожидал обмена мнениями.

«Тяжелая история, — прервал молчание Середа. — Есть, значит, на свете такие люди. Так человек не выдержал бы, но как за идею пошел, так у него все это и получается...

...Андрощук, подвинув палочкой котелок ближе к огню, убежденно произнес:

— Умирать, если знаешь за что, особое дело. Тут у человека и сила появляется.»

Показывая боевую и нравственно-идейную силу своих героев, молодых бойцов и командиров Красной Армии, Николай Островский рисовал их в ореоле романтики борьбы и подвига. Романтика!.. Сколько было высказано как мгновенных, под впечатлением минуты, восторгов,

так и глубоких мыслей и споров на поводу того, кто и как понимал, что такое романтика! Как представлял себе романтику Павел Корчагин? Известно, что после чтения романа «Овод» у Павла Корчагина произошел разговор с политруком Крамером.

«Слушай, политрук, как ты посмотришь на такое дело: вот я собираюсь перемахнуть в Первую Конную. У них дела впереди горячие. Ведь не для гулянки их столько собралось. А нам здесь придется толкаться все на одном месте.

Крамер посмотрел на него с удивлением.

— Как это перемахнуть? Что тебе Красная Армия — кино? А? На что это похоже? Если мы все начнем бегать из одной части в другую, веселые будут дела!

— Не все ли равно, где воевать? — перебил Павел Крамера. — Тут ли, там ли. Я же не дезертирую в тыл.

Крамер категорически запротестовал.

— А дисциплина, по-твоему, что? У тебя, Павел, все на месте, а вот насчет анархии, это имеется. Захотел — сделал. А партия и комсомол построены на железной дисциплине. Партия — выше всего. И каждый должен быть не там, где он хочет, а там, где нужен...

...Когда Крамер успокоился, Павел сказал негромко, но твердо:

— Все это правильно, но к буденовцам я перейду, — это факт.

На другой день вечером Павла у костра уже не было».

Политрук Крамер, конечно, прав и высказал верную и строгую мысль. Но и Павел по своему прав: Первая Конная Армия притягивает его потому, что там у них «дела впереди горячие». Для его страстной природы бойца настоящая борьба с врагом именно там, где «горячие дела». Предчувствие Павла оказалось верным:

«Пятого июня 1920 года после нескольких коротких

ожесточенных схваток 1-я Конная армия Буденного прорвала польский фронт на стыке 3-й и 4-й польских армий, разгромив заграждавшую ей дорогу кавалерийскую бригаду генерала Савицкого, и двинулась по направлению Ружин... На пути своего продвижения конные дивизии уничтожали небольшие железнодорожные мосты и разрушали железные дороги, чтобы лишить поляков путей отступления.

Получив от пленных сведения о том, что в Житомире находится штаб армии,— на самом деле там был даже штаб фронта,— командарм Конной решил захватить важные железнодорожные узлы и административные центры — Житомир и Бердичев. Седьмого июня на рассвете на Житомир уже мчалась четвертая кавалерийская дивизия...

...Быстро-быстро бежала под ногами земля. И большой город с садами спешил навстречу дивизии. Проскочили первые сады, ворвались в центр, и страшное, жуткое как смерть „даешь“! потрясло воздух.»

Страницы романа, где описаны «горячие дела» Первой Конной, принадлежат к числу самых красочных и динамичных в романе и, конечно, отражают боевое напряжение и страстную натуру Павла Корчагина.

«Пригибаясь к шее лошади, летел Корчагин. Рядом на вороном тонконогом коне — Топтало...

...Со скрежетом ударяли о камень мостовой кованые копыта. И вдруг на перекрестке — пулемет, прямо посреди дороги, и, пригнувшись к нему, трое в голубых мундирах и четырехугольных конфедератках. Четвертый, с золотым жгутом змеей на воротнике, увидев скачущих, выбросил вперед руку с маузером.

Ни Топтало, ни Павел не могли сдержать коней и прямо в когти смерти рванули на пулемет. Офицер выстрелил в Корчагина. Мимо... Воробьем чиркнула пуля

у щеки, и, отброшенный грудью лошади, поручик, стукнувшись головой о камни, упал навзничь...

...Вздыбился конь Павла, испуганно храпя, рывком перенес седока через упавших, прямо на людей у пулемета, и шашка, описав искровую дугу, впилась в голубой квадрат фуражки...

Словно бешеная горная река, вылился на перекресток эскадрон, и десятки сабель заполосовали в воздухе».

Некоторые читатели отмечали, что Павел Корчагин был как бы лишен чувства осторожности в бою. Сколько войн знала история, а ведь каждый солдат надеялся пережить битву, в которой участвовал. Павел же помчался «в самую гущу схватки», как описано в картине роковой битвы, когда тяжелое ранение вырвало храбреца из огня войны. «Так ведь битвы-то какие были в те годы! — говорили другие, постарше. — То была классовая битва и к тому же не «окопное сидение» позиционной войны, а маневренная война с ее страстным стремлением скорейшей победы.» Павел Корчагин не окопный солдат, а бесстрашный революционный боец, он подлинный представитель «безумства храбрых».

«Наступление», «бой», «упорство», «победа», «строй» — вот некоторые слова, которые Коля Островский особенно любил и которые произносил с каким-то особенным подъемом и горячо. Однажды я сказала ему об этом. Он улыбнулся, медленно свел к переносице пушистые длинные брови, как всегда делал в минуты глубокого и радостного раздумья.

— Как же мне не любить их, такие слова, в них для меня главное выражение жизни...

Статья Михаила Кольцова в «Правде» (17 марта 1935 года) была для Николая Островского не только огромной радостью. Она, как Коля не однажды говорил, «ввела его в мировую прессу»*.

29 мая Николай пишет редактору журнала «Интернациональная литература» С. С. Динамову: «Дорогой товарищ Динамов! Посылаю Вам копию своего ответа литературному агентству, предложившему мне заключить договор на издание романа „Как закалялась сталь” на иностранных языках за границей. Я в этих делах новичок и, как член партии, вообще не считаю себя вправе что-либо делать без санкции партгруппы ССП и Вашего совета. Напишите мне, что Вы знаете об этом агентстве и как вообще коммунисты-писатели поступают в таких делах. Я очень прошу». Действительно, сильная и добрая рука как бы распахнула перед молодым писателем дверь в широкий мир. Вот и сейчас, более тридцати лет спустя, читая в книге «Николай Островский. Фотографии, документы, иллюстрации» («Молодая гвардия», 1964, стр. 73) приведенные из статьи в «Правде» Михаила Кольцова

* Теперь, много лет спустя, мне приятно назвать имена товарищей, чьи статьи о творчестве Николая Островского появились при его жизни и принесли ему радость. Вот они: Г. Бровман. О молодежной литературе вообще и «Молодой гвардии» в частности.— «Молодая гвардия», 1933, № 10; М. Залка. В гостях у Николая Островского.— «Рабочая Москва», № 31; И. Никитин. Рождение героя.— «Молодая гвардия», 1934, № 6; М. Колосов. Мой сверстник.— «Комсомольская правда», 1932, 3 сентября; В. Гоффеншефер. О счастье.— «Литературный критик», 1935, № 10; Г. Ленобль. Н. Островский.— «Литературная газета», 1935, 28 сентября; М. Кольцов. Мужество.— «Правда», 1935, 17 марта; Г. И. Петровский. «Как закалялась сталь».— «Литературная газета», 1935, 24 декабря; Ф. Левин. «Как закалялась сталь».— «Литературный критик», 1935, № 10; И. Рахило. У Николая Островского.— «Вечерняя Москва», 1935, 4 октября; С. Трегуб. «Как закалялась сталь».— «Комсомольская правда», 1935, 3 апреля; В. Инбер. Такой тип писателя может существовать только у нас.— «Молодая гвардия», 1936, № 1; В. Инбер. За советскую классику.— «Литературный современник», 1936, № 5; М. Голодный. Выступления писателя Николая Островского по радио.— «Правда», 1936, 8 апреля; М. Колосов. В чем сила Н. Островского.— «Молодая гвардия», 1936, № 1; В. Ермилов. Воля к жизни.— «Правда», 1936, 3 апреля.

несколько строчек, вновь взволнованно представляешь себе, как обрадовали они Николая Островского: «Сама его книга, придя на редакционный стол, обожгла своей... молодостью, задором, свежей силой... Островский, навзничь лежащий в далекой хатенке в Сочи, неподвижный, смело вышел в литературу... Разве же он не человек большого таланта и беспредельного мужества!».

Год 1935 Николай назвал самым счастливым годом жизни. Все звало Николая Островского к жизни, к творчеству, к счастью бытия, — и все это было честно и подлинно стоически им заработано, наперекор «беспощадной природе», как сурово-иронически называл он свою неизлечимую болезнь. Это всегда «наперекор» было также и одной из первооснов того счастья творческого деяния, которым Николай Островский обладал в высокой степени, и одной из главных черт его характера. С полным основанием он мог назвать 1935 год так, как он написал об этом 31 декабря 1935 года: «Если бойца приласкала страна за его упорство и настойчивость, если к его груди, там, где стучится сердце, приколот орден Ленина, — то счастье его безмерно».

А книга «Как закалялась сталь» по путевке «счастливого года» уже шагала и шагала за рубежами нашей страны.

Первого сентября 1936 года Николай Островский писал из Сочи:

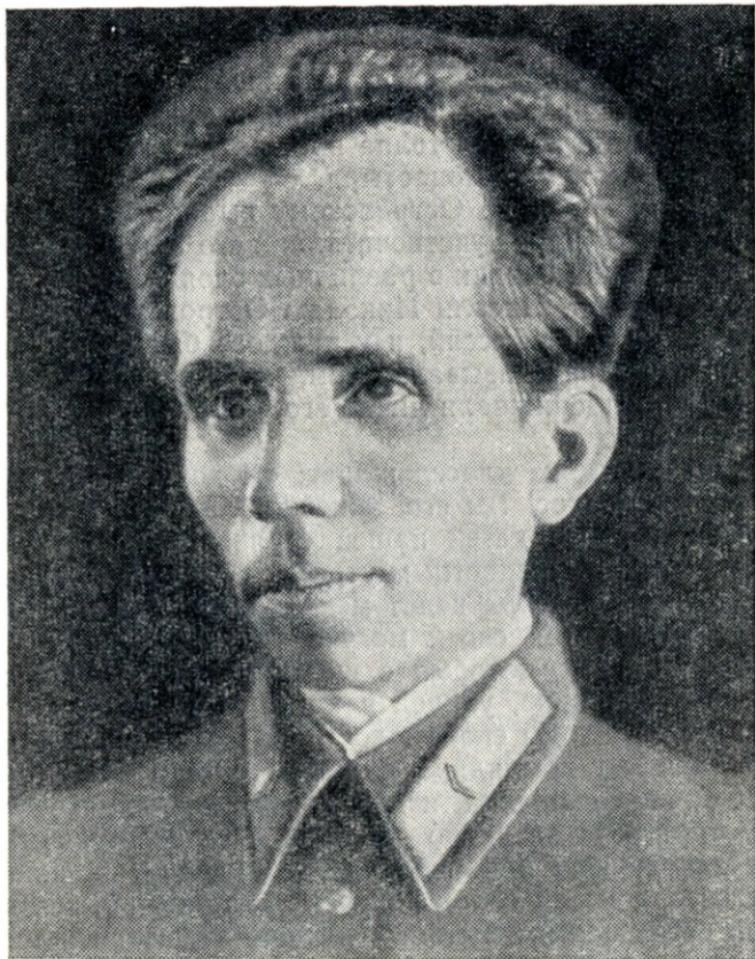
«...Вчера получил „Как закалялась сталь“ на японском языке, издана в Токио издательством „Наука“. Жаль, что ничего не поймешь в иероглифах.

Теперь „Как закалялась сталь“ за рубежом выходит в следующих странах: Англия, Франция (в издании «Эдишн Сосиаль Интернациональ»), Голландия, Чехословакия и Япония. В Нью-Йорке „Как закалялась сталь“ печатается в ежедневной газете».

Седьмого марта 1936 года в письме своему секретарю А. П. Лазаревой он писал после довольно тяжелого разговора со знаменитым профессором-глазником. Профессор предлагал «вынуть правый глаз больного».

«Как видите, я еще не все мытарства испытал. И жизнь угостит меня еще не одной горькой пилюлей. Такова уж, видимо, моя профессия — терять беспрерывно физически что-нибудь. Хорошо, что эти поражения возмещаются во сто крат духовными приобретениями, которые дает мне творческая жизнь, так что я всегда оказываюсь не в обиде. Жизнь бессильна меня ограбить. Книга переводится на голландский, чешский, греческий и болгарский языки. На днях закончатся переговоры в Англии, и Франции об издании. Намечаются издания в Швеции, Норвегии, Дании».

Последняя моя встреча с Николаем Островским весной 1936 года оставила такое жизнерадостное впечатление, что даже вдруг мне представилось: вот я вижу человека-победителя. В тот солнечный весенний день Коля Островский выглядел так бодро, что ни одно даже бегло-сумрачное предположение о каком-то ухудшении его здоровья не могло мне прийти в голову. О пережитых трудностях он вспоминал уже шутливо и называл себя «парнем отчаянной жизни». Мы о многом вспоминали, потом Коля стал рассказывать о встречах своих с разными интересными людьми, в том числе с товарищами из Литературного агентства, и о той радости, которую ему приносят вести, что его «Как закалялась сталь» уже шагает по всему миру. Расставаясь до осени, я сказала, что уезжаю лечиться абсолютно спокойная за творческую работу и самочувствие нашего друга. Необходимость повторить курс лечения задержала меня в Севастополе намного дольше: только в декабре я вернулась в Москву. Дома мне передали, что Коля Островский снова заболел.

Н. Островский, 1936 г.

С утра мне нужно быть в редакции, а к вечеру поеду сразу к нему. Вечером в редакцию журнала «Молодая гвардия» позвонили: Николай Островский умер.

Три дня, с утра до позднего вечера, мимо гроба, утонувшего в цветах и венках, нескончаемыми потоками проходили по залу в клубе советских писателей, на улице Воровского, люди разных поколений, прощаясь с Николаем Островским. Огромная толпа провожала его до древних стен Новодевичьего монастыря.

При жизни Николаю Островскому выпало заслуженное и большое счастье чувствовать, как его мысли и идеи находят живейший отклик в различных слоях нашего, советского общества. Писали Николаю Островскому люди всех возрастов и профессий, и у каждого было свое, заветное, каждый рассказывал о том, чем книги Николая Островского поддерживали лично его, помогали ему. Вот несколько примеров.

Ученица восьмого класса пишет: «Я хочу, чтобы Вы услышали мой голос! Вы его, конечно, слышите в массе счастливых голосов детей нашей страны, приветствующих Вас с каждым радостным утром... Светлый, могучий образ Павки Корчагина ведет меня к цели. А цель мне ясна: посвятить себя своей могучей родине!».

Бывший батрак, который с шестнадцати лет пошел биться за революцию, увидел в книге «Как закалялась сталь» грозные годы своей юности: «После ликвидации банд — учеба на командира в школе имени ВЦИК — Кремль. Я видел Ленина, я дал клятву до конца своей жизни бороться за дело Ленина — за коммунизм!». И этот закаленный в борьбе человек, прочитав книгу Островского, с новой силой почувствовал свежий, всегда молодой ветер нашего бытия: «Сколько энергии влилось в мою душу, сколько энтузиазма зажглось в моем сердце».

Павка Корчагин, грозный для врагов, бесстрашный, веселый, неутомимый Павка, был для советских людей живым, настоящим другом, который поднимал дух чи-

тателей, настраивал их на боевой лад, помогал людям найти в себе новые силы, преодолеть свои недостатки и ошибки. В этом смысле очень характерно письмо деревенского учителя средней школы из Симферопольского района: «Я позавчера прочел Вашу книгу и два дня нахожусь под впечатлением прочитанного... Я почувствовал бодрость, жажду жизни, уверенность в себе. Она дала мне исчерпывающий ответ на ряд вопросов, над которыми я так много думал... Я воображал себя уже стариком. Вся работа комсомола стала для меня как бы пройденным этапом. Мне скучно было, у меня рождалась глупая мысль оставить комсомол... Заслуга Вашей книги в том, что она открывает глаза таким преждевременно составившимся комсомольцам и снова возвращает им молодость и возбуждает новый, более сильный интерес к комсомольской работе. Передо мной встали история моего комсомола и образ героя-комсомольца Корчагина — Островского. Я полюбил его так, как не любил еще никого из героев прочитанных книг. Я его понимаю всей душой. Он мой идеал. Я хочу быть таким, как он».

Последующие годы, а потом и десятилетия со дня смерти Николая Островского вызвали целый цикл серьезных статей и воспоминаний*, авторы которых принадле-

* После смерти писателя вот как обозначилась разносторонняя проблематика статей, посвященных его творчеству: Н. Асеев. Улыбка Островского.— «Вечерняя Москва», 1936, 25 декабря; А. Афиногенов. Пламенный сын партии.— «Вечерняя Москва», 1936, 22 декабря; А. Караваева. О незабвенном друге.— «Молодая гвардия», 1937, № 2, 3; И. Гринберг. Народность героя советской литературы.— «Народное творчество», 1938, № 9; Ф. Панферов. Всегда в строю.— «Труд», 1946, 22 декабря; К. Зелинский. О литературном герое.— «Октябрь», 1939, № 1; И. Бачелис и С. Трегуб. Счастье Корчагина.— «Знамя», 1944, № 4; А. Макаров. Подвиг жизни.— «Известия», 1946, 22 декабря; К. Зелинский. Из воспоминаний о Николае Островском.— Альманах «Дружба народов», 1947, кн. 14; Н. Бирюков. Писатель-борец.— «Пограничник», 1949, № 18; В. Солоухин. Всегда с нами.— «Литературная газета», 1949, 28 сентября; Н. Венгров. Николай Островский — художник.— «Октябрь», 1951, № 12; И. Карабутенко. В. Тельпугов. Жизнь — подвиг.— «Знамя»,

жали к разным поколениям советской литературы. Это и Александр Серафимович, наш глубоко ценный «старшой», представитель славной плеяды «знаньевцев», один из зачинателей советской литературы, и выдающийся французский писатель Ромэн Роллан, и Александр Фадеев, писатель-воин, прославленный автор «Разгрома».

В 1956 году, когда комиссия по литературному наследству Н. Островского издала трехтомное собрание его сочинений, сестра писателя, Екатерина Алексеевна Островская, обратилась к Екатерине Павловне Пешковой с письмом, в котором спрашивала: есть ли в библиотеке А. М. Горького книга «Как закалялась сталь» и знает ли Екатерина Павловна какие-либо отзывы Горького о романе Николая Островского? Вот что ответила Е. П. Пешкова:

«Простите, Екатерина Алексеевна, что не сразу отвечаю Вам. Ваше письмо пришло, когда я была в санатории.

К сожалению, кроме той фразы, которую я сообщила т. Балабановичу, я отзывом Алексея Максимовича о книжке „Как закалялась сталь“ не слышала. Хорошо помню, что Алексей Максимович, выходя из своего кабинета и передавая мне эту вещь, сказал: „Почитай-ка. Жизнь этого человека — живая иллюстрация торжества духа над телом» (эта фраза была сказана и Балаба-

1951, № 4; Ю. Либединский. Сын партии.— «Знамя», 1953, № 11; В. Озеров. Героический современник.— «Октябрь», 1954, № 10; В. Млечин. Писатель пламенного сердца.— «Вечерняя Москва», 1954, 29 сентября; В. Беляев. С нами в одном строю.— «Комсомольская правда», 1954, 29 сентября; А. Чаковский. Сталь пламенет. Изд-во «Знание», 1954; В. Туркин. Новое поколение Корчагиных.— «Смена», 1956, № 24; А. Гурвич. Жизнь без будней.— В кн.: А. Гурвич. Черты современника. М., 1958; К. Зелинский. К 60-летию Н. Островского.— «Комсомольская правда», 1964, 29 сентября; В. Кожевников. Он сделал нас еще сильнее.— «Литературная газета», 1964, 29 сентября; М. Колосов. Встречи с Островским.— «Литературная Россия», 1964, 25 сентября.

новичу). Разумеется, я не возражаю против использования отзыва А. М. со ссылкой на меня для экспозиции музея.

Книг Н. А. Островского в личной библиотеке Алексея Максимовича на Малой Никитской не оказалось. Но книжка Н. Островского „Как закалялась сталь“ есть в отделении этой библиотеки, которая находилась в Горках и теперь хранится в Музее А. М. Горького в Москве. Пометок А. М. в ней не имеется.

Вот она, главная мысль Горького о романе молодого писателя — бойца гражданской войны: торжество духа над телом! И пусть наш советский читатель, особенно молодой, начинающий свою жизнь, запомнит эти высокие и прекрасные слова Алексея Максимовича, утверждающие большую, стойкую победу большевистской воли, вдохновения и разума, победу писателя-коммуниста, прожившего недолгую, но деятельную, смелую и благородную жизнь во имя счастья народа.

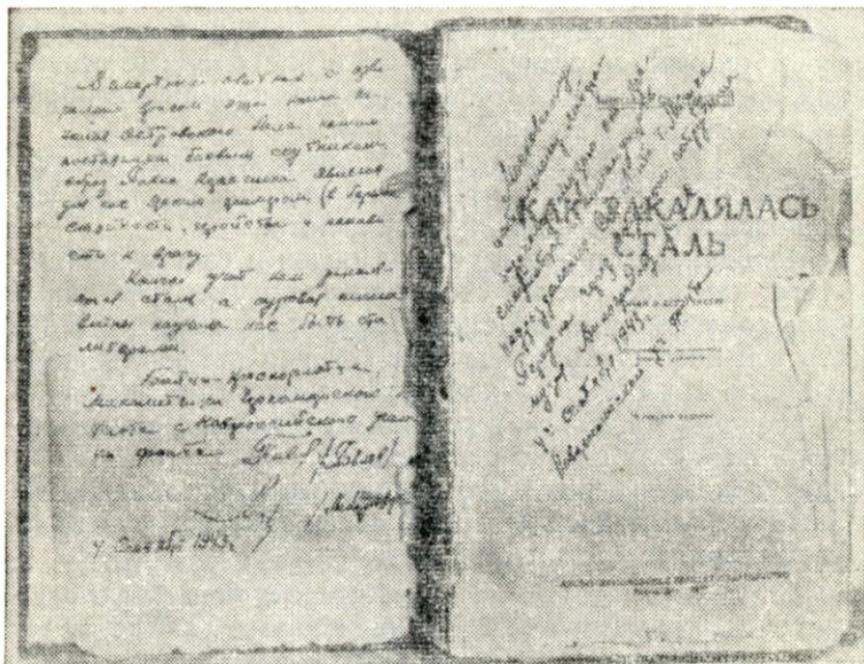
Вот уже свыше тридцати лет имя Николая Островского связано с многими добрыми начинаниями нашей, советской молодежи. Вспомним хотя бы о благородной традиции школьной молодежи — создавать «комнаты», «уголки», «книжные полки» и даже «литмузеи» жизни и творчества Николая Островского. С наивной непосредственностью юности школьники просят прислать «материалы» о Николае Островском, очевидно, предполагая, что только в их краях собирают (и при том впервые) о нем материалы. А эта работа уже давно стала одной из культурных традиций, и, конечно, эти благородные начинания достойны всяческой поддержки.

В годы Великой Отечественной войны книга «Как закалялась сталь» верно служила людям. С осени 1941 по 1943 год, когда я была корреспондентом «Правды» по Свердловской области, мне доводилось рассказывать

о Николае Островском в разных читательских аудиториях, в заводских библиотеках, в госпиталях (где многие писатели работали как заботливые культшефы), а также в воинских частях. Будущие фронтовики, среди которых было много недавних школьников, особенно часто интересовались жизнью и творчеством Николая Островского.

Книга массовыми тиражами шла на фронт, ее читали в скупые часы солдатского отдыха. Помню, в первые месяцы войны в одном из московских госпиталей мне показали обе книги Николая Островского, найденные в полевой сумке тяжело раненного командира танка. На проводах одной из московских дивизий молодой солдат после митинга показал мне свое «походное имущество», как он выразился. Это были три книги: биография В. И. Ленина, лирические стихи Пушкина и роман Николая Островского «Как закалялась сталь». В одном из уральских госпиталей, в день годовщины смерти Николая, из целого созвездия услышанных мною маленьких военных историй мне особенно понравилась одна, рассказанная молодым гвардии капитаном.

— За что я люблю Николая Островского? — повторил он и задумчиво улыбнулся. — А вот за что: учит этот писатель, как надо поступать «через нельзя»... Понимаете? Примеров сколько хотите, — на войне ведь шагу не ступишь без этого «через нельзя»... Вот надо было нам зайти в тыл врагу. Погодка чертова: мороз и буран, зги не видать. Идем, идем, а холод нас все крепче забирает, вот, вот замерзнем. Захотелось мне ребят ободрить. «Эх, товарищи, аховая ночка нам досталась. Но вспомним: Николай Островский не только одну ночку, а целые годы напролом шел „через нельзя“: и ноги отказали, и руки, и ослеп, а он так боролся с природой, что даже книжку замечательную написал!.. А мы все молодые, крепкие, здоровые, боеприпасы и питание у нас есть...

Книга «Как закалялась сталь»,
присланная в Музей Н. Ост-
ровского бойцами с Новорос-
сийского участка фронта

подумаешь, напасть какая — мороз!». Я начал им о Павке Корчагине рассказывать, ребята стали пошучивать, а потом даже вроде разогрелись понемножку... Так мы и дошли и задание выполнили!

— Эти книги воюют вместе с нами! — сказал мне летом 1944 года офицер-гвардеец и выразил, конечно, мысли и чувства многих бойцов нашей армии.

И вот теперь, более трех десятилетий спустя со дня смерти Николая Островского, мы с любовью говорим: слава подвигу писателя-большевика, который воплотил в своем творчестве самые высокие и благородные стремления советских людей, создал живые, правдивые образы героев великого ленинского века!..

Еще в 1937 году мы перепечатали в журнале «Молодая гвардия» (№ 4, стр. 175) ряд отзывов о книге, появившихся в тот год в английской печати.

«Молодой автор этого романа ослеп и слег в постель до того, как стал писать свою книгу; он умер несколько недель тому назад, и его смерть придает особую патетичность той необычайной повести, которая встает со страниц книги. На фоне гражданской войны автор рисует во весь рост портрет юного героя новой России, Павла Корчагина. Этот фон сугубо реалистичен, образ — предельно убедителен. Вся вещь — это подлинный кусок жизни, поданный с большой силой, прекрасным вкусом и верным чутьем ко всеми драматическому.»

«Литературное приложение к газете „Таймс“»
(Лондон)

«Роман дает подлинно эпическую картину, в которой всесторонне показана борьба человека, ищущего самого себя и осуществляющего свои идеалы вопреки великим препятствиям. Эта вещь проникнута глубокой искренностью, подлинным вдохновением, высоким и благородным энтузиазмом».

Газета «Уестерн мэйл энд саут Уэллс ньюз» (Южный Уэллс)

«Эта книга является ценным вкладом в замечательную литературу, созданную в России после революции. Молодой ее автор, под конец жизни слепой и парализованный, умер в декабре, и думается, что вряд ли кто, прочтя трогательную летопись его жизни,— ибо роман в основном автобиографичен,— не пожалеет о преждевременном конце этого исключительного литературного таланта, которому так мало пришлось цвести».

Газета «Скоттсмен»
(Эдинбург)

В книге Натана Венгрова «Николай Островский» («Советский писатель», 1956) мы читаем:

«На роман откликнулись и некоторые прогрессивные писатели Англии и даже та английская журнальная и газетная пресса, которую никак нельзя было заподозрить и тогда, в предвоенные годы, в особом дружелюбии к Советской России.

Передовой писатель и критик Джек Линдсей в журнале „Левт ревью“, излагая содержание романа, прежде всего отмечал, что автор его — подлинный коммунист. Писателя тронул в романе „рассказ о любви, которая так же чиста, как все, о чем говорится в книге“... „Правда заложена в самом повествовании, в убедительности и конкретности описания каждой сцены, каждого события и характера. Мы верим в рост героя,— пишет Джек Линдсей,— потому что мы видим, какие широкие жизненные горизонты возникают перед Павлом Корчагиным — героем книги“. „В ней нет ни одной фальшивой ноты,— пишет он далее.— Эта книга заставляет гордиться званием человека“».

Об откликах в Австралии мы узнали из книги А. Осипова «Николай Островский и молодежь мира» (Пермь, 1961, стр. 99).

Австралийский писатель Уолт Кауфман из города Сиднея писал в Сочи сотрудникам Музея Н. Островского: «У нас есть молодой художник, который, подобно Островскому, много лет прикован к постели. Он владеет лишь одной левой рукой, но он коммунист и его воодушевляет жизнь Н. Островского, писателя-борца.

В Австралии книга „Как закалялась сталь“ широко известна и ее популярность все возрастает».

В 1937 году в редакцию газеты «Известия» пришло большое письмо из буржуазной Латвии, где тогда у власти стояла фашиствующая клика Ульманиса. Напечатанное в № 66 «Известий» 17 марта 1937 года, это письмо прошло свой крестный путь испытаний и бед, пока дошло до Москвы. И так как это не только письмо, но и документ не столь уж давней истории, его полезно привести здесь.

В обложке какого-то бульварного французского романа (в целях конспирации) политзаключенным Рижской Срочной тюрьмы удалось получить книгу Н. Островского «Как закалялась сталь». Прочитав ее, они написали Островскому письмо. Одна из заключенных, отбывшая свой срок, вынесла на волю это письмо — листки тончайшей бумаги, исписанные крошечными буквами, — зашитым в пуговицу (!) пальто. Письмо пришло после смерти писателя, в 1937 году, так как на пути в Москву ему, конечно, довелось тогда пройти еще через какие-то испытания, которые остались нам неизвестными. Письмо это политзаключенные любовно называли „Павка“.

Уже давно известно мне это письмо, которое может прочесть каждый интересующийся — оно находится в материалах Музея Николая Островского. Более тридцати лет назад борцы за революцию, слагая это письмо, так любовно названное ими „Павка“, мечтали об одном: как обрадует автора книги их любовь к главному ее ге-

рою — Павке Корчагину. Но слишком труден был путь письма, оно стало известным уже после смерти любимого автора. Итак, вот оно, это коллективное письмо.

«Дорогой товарищ!

На зло строгой цензуре, господствующей у нас, нам все же удалось прочесть вашу замечательную книгу о том, как закалялась сталь. Эта книга обошла весь наш коллектив,— посетила все общие камеры, заглянула и в одиночки. В общих камерах ее читали вслух. Мы отложили все очередные работы и задания, какие только можно было отложить, мы слушали книгу, мы были покорены ею. Напряженная тишина царила у нас, когда мы, затаив дыхание, старались не проронить ни слова из рассказа о Павке. Даже те товарищи, которые плохо понимают по-русски, старались уловить знакомые слова, чтобы по ним понять содержание.

Мы были так захвачены книгой, что в особенно сильных местах не могли сдерживаться и прерывали чтение, громко выражая свои чувства. Немало среди нас было и таких, которые прятали от товарищей лица, стыдясь показать слезы на глазах. Книга заставила забыть, что мы находимся в тюрьме,— она уничтожила стены вокруг нас, наполнила нас новой чудесной силой и ясностью. И тем сильнее в то же время хотелось скорее вырваться отсюда, чтобы отнести эту силу и свет тем тысячам, что томятся на воле под железной пятой фашизма. Долго мы будем тепло вспоминать часы общей читки, часы, когда мы, охваченные одним общим чувством, одними мыслями, так ощутимо сливались в одно крепкое целое...

Павка Корчагин — нам так любо и дорого имя его! Павка стал нам своим, близким, нашим родным и в то же время лучшим товарищем, по которому мы все хотим равняться. Павка — герой, но не тот надуманный герой,

который недостижимым идеалом возвышается над простыми смертными, подавляя их своим величием... Павка не такой. Его подвиги возможны и реальны для нас...

То, что организм Павки в отличие от героев других книг подвержен болезням, что испытываемые им трудности жизни не проходят бесследно для его здоровья, сделало его особенно близким и понятным нам. Многие и многие из нас не боятся трудностей борьбы в условиях фашизма за пролетарскую революцию. Нас не останавливает угроза быть убитыми, не пугают пытки в охранке, годы каторги, нечеловеческие условия труда и жизни в тюрьмах. Мы сравнительно легко переживаем долгие годы вынужденной оторванности от активной борьбы только потому, что эти годы научают нас сильнее ненавидеть врага, вооружают нас идеологическим оружием нашей классовой борьбы.

И в то же время нам больше, чем кому-либо другому, знакома страшная возможность быть выброшенными из строя жизни, возможность оказаться физически неспособными продолжать борьбу. Полные пыли мастерские тюрем Латвии, насыщенная паром прачечная нашей тюрьмы, сырые, холодные камеры, жестокий режим — все это постепенно разъедает наши легкие, наделяет почти всех без исключения острым ревматизмом, треплет нервы.

А каменоломни Калпцема, где наши товарищи надрываются, стоя по колено в ледяной воде, стараясь набить высокую норму камня. Работа на врага, работа из-под резиновой дубинки, сменяющаяся „отдыхом“ в темном, сыром карцере, если надзирателю не понравится выражение лица заключенного, калечения, отмораживания конечностей — частые явления там. И нередко товарищи, входящие в тюрьму молодыми и здоровыми, через несколько лет выходят разбитыми стариками, калекками, и

многие из нас, подобно Павлу Корчагину, не раз в минуты отчаяния говорили себе: — На что ты будешь годен после тюрьмы. И стоит ли жить такому калеке, развалине... И Павка сказал нам: стоит!..

Корчагин — больной, Корчагин — создатель книги дает нам героя нового вида. Мы знаем героев — победителей воздуха и морских глубин, героев, врезающихся в недра земли. Герои эти сильны, они силу свою превращают в богатства для своей страны. Павка же победил самого себя, свою немощь. Подобно великому человеку прошлого, который, победив свою глухоту, создал прекрасную „Девятую симфонию“, Павка из своего несчастья создал счастье другим, слепой осветил ярким светом путь своим соратникам. Но, в отличие от Бетховена, Павка всегда бодр, неутомим и жизнерадостен, да и талант его вырос в самом несчастье. Тело Корчагина разбито, но дух его могуч, он — герой духа. Тот факт, что Павка не один, не избраннык, а живой сгусток новых людей, показывает, что рабочий Советского Союза становится Человеком с большой буквы.

С сердечным приветом —
Коллектив политзаключенных
Рижской Срочной
тюрьмы»

Мы живо представляем себе, как сердечно ответил бы Николай Островский на письмо, прорвавшееся к нему сквозь рогатки фашистской агентуры и написанное, конечно, еще в 1936 году.

Имя Павки Корчагина, уже давно знакомое всей планете, многие годы спустя, как имя-призыв, опять прозвучало на весь свет, уже в новых условиях — в эпоху борьбы за мир и дружбу между народами. Осенью 1954 года в «Правде» (№ 272 от 29 сентября) был опубликован

очерк Бориса Полевого «Николай Островский». Сердечность и глубокое понимание творчества Николая Островского в этом очерке привлекли и наше внимание, Комиссии по литнаследию Николая Островского: очерком этим, как предисловием, был открыт первый том Собрания сочинений Н. Островского, которое вышло в 1955—1956 гг.:

— Хотите познакомиться с Павлом Корчагиным?

— Простите, я, кажется, ослышался?

— Нет, не ослышались, именно с Павлом Корчагиным.

— С героем Николая Островского?

— Если угодно — да.

— Здесь?

— Он делегат конгресса.

— Ну, знаете...

Такой странный разговор произошел у меня с французским коллегой осенью 1953 года в Венском Концертхаузе в кулуарах Всемирного конгресса профессиональных союзов.

Это была, пожалуй, одна из самых представительных ассамблей, на какие только когда-либо собирались труженики земли. На ней присутствовали делегаты всех стран мира, люди всех цветов кожи, говорившие на всех языках и диалектах, на каких только изъясняется человечество. Необыкновенные встречи случались тут на каждом шагу. Но увидеть Корчагина! Как можно было этому поверить. Между тем лицо французского литератора, сообщившего эту новость, сохраняло полную серьезность.

— Может быть, у него такое прозвище?

— Нет, имя. Я только что видел его мандат. В нем так и записано Корчагин. И даже не Павел, а Павка... Да вот он и сам.

Собеседник указал на молодого негра, высокого,

стройного и такого черного, что цвет его кожи отливал даже в синеву. Мешковатый, чрезмерно просторный, будто бы даже с чужого плеча костюм его не мог скрыть атлетического разворота плеч.

Улыбаясь широко, добродушно, он протянул свою огромную, фиолетового оттенка, руку и отрекомендовался:

— Павка.

Помолчал и совершенно серьезно, но очень четко добавил:

— Павка Корчагин.

У того, кто назвал себя Павкою Корчагиным, было, конечно, и другое, негритянское, имя, но как делегат конгресса он зарегистрировался именно так, и это имело свою историю и свои резоны. Подростком он работал подручным у минера в строительной партии, прокладывавшей дорогу через джунгли. Из-за нечеловеческого отношения надсмотрщиков негры, находившиеся в этой партии, взбунтовались. На место происшествия была вызвана колониальная полиция. Она жестоко подавила бунт. Большинство его участников было брошено в тюрьму, а маленький подручный с отбитой печенью, с искалеченными легкими после жестокого избиения, еле живой был оставлен умирать в джунглях.

Его нашел и принес к себе в хижину организатор местного профсоюза. Мальчик харкал кровью, отказывался от еды и медленно угасал...

Тогда человек, приютивший его, принес ему книгу. Это был английский перевод романа „Как закалялась сталь“. Первые же страницы увлекли негритенка. Он был едва грамотен. Читал он очень медленно и плакал от досады, потому что не может читать быстрее. Но по мере того как книга открывала ему далекий чудесный мир, мир великих окрыляющих идей, мир свободного

труда, мужества, человеческой доблести, по мере того как вырисовывались перед ним могучие характеры советских юношей и девушек, в умирающем разгоралась вера в жизнь и жажда жизни. Он, конечно, не все понял, не во всем разобрался. Но он усвоил, усвоил твердо и навсегда: „Самое дорогое у человека — это жизнь“.

Английский перевод романа, чудом оказавшийся в далекой Африке, дал негритянскому подростку такой заряд бодрости, энергии, зажег в нем такую жажду вернуться в жизнь, что он преодолел свой недуг, поправился, стал на ноги. И теперь, вот уже несколько лет, он является одним из самых боевых профсоюзных вожakov на своем континенте, где сейчас профсоюзное движение растет столь бурно. И в память о книге, вернувшей ему сердце, помогшей ему стать борцом, он с тех пор называет себя именем того человека, образ которого свежит ему, как маяк в темной бурной ночи.»

В странах французского языка роман «Как закалялась сталь» был тоже принят как выдающееся произведение большой идейно-нравственной силы и художественного значения. Бельгийская газета «Dagblau rouge» (1954, № 241, 16—17 октября) так назвала его — «Этот роман — гимн лучшей жизни»:

«Этот роман первый в русской литературе рисует героя, в котором объединяются не только личные интересы с социальными (мы это видели уже, например, у Павла Власова в „Матери“), но который не видит никакой разницы между своими собственными интересами и интересами государства. Ясно, что новые чувства: ответственность, иное понятие труда и, наконец, патриотизм, которым Островский вдохновляет своих молодых комсомольцев, увлеченных строительством молодой Советской республики, могли родиться только с установлением Советской власти. Только при социализме обретают смысл

и расцветают лучшие качества человека, в особенности молодого человека, потому что только при социализме они находят себе применение.

Итак, этот роман — гимн лучшей жизни, его главная мысль выражена в клятве героя, Павла Корчагина: „Самое дорогое, что есть у человека, — эта жизнь...“»

В начале 50-х годов в русском переводе появился роман Луи Арагона «Коммунисты». Это новое произведение, как известно, отразило трагические в истории Франции 1939—1940 годы, годы предательства буржуазии и фашистской оккупации. В те страшные годы главной опорой в борьбе народа Франции были французские коммунисты. Они же, коммунисты, бесстрашно руководя борьбой народа, первыми отдали свою жизнь во имя освобождения своей родной страны. Характерно, что именно в это, самое монументальное свое произведение Луи Арагон, мужественный борец против фашизма, ввел волнующий разговор в больнице двух французских борцов о романе «Как закалялась сталь»: *

«У соседа Жозефа Жигуа по палате одна нога ампутирована по самое бедро, а другая — по колено. Теперь ему прилаживают протезы, чтобы он мог ходить. Сегодня нервы у него совсем сдали. Видно, как под одеялом дрожит мелкой дрожью его большое искалеченное тело. Он не может справиться с рыданиями и стонами, которые сотрясают его могучие бесполезные теперь плечи; вот плечи высунулись из-под одеяла, вот опять спрятались, теперь повернулись, и голова зарылась в подушку.

Жигуа не видит, но он знает, он чувствует, что рядом с ним горе. Его незрячее лицо напряжено, голос звучит мягко, ласково. Он говорит:

— Мерсье, а Мерсье? Полно, успокойся!

* Арагон Л. Собр. соч. Т. 6. М., ГИХЛ, 1959, стр. 549—550.

Мерсье не отвечает, сотрясаемый внутренней бурей. И Жозеф утешает его, как ребенка:

— Ну, что ты расстраиваешься?.. Ведь колено спасено, ты же сам говорил... Вот если бы обе ноги отрезали и нужна была бы тележка... Знаешь, если одно колено осталось, это еще не так плохо... А потом, ведь у тебя руки целы... Подумай, сколько ты всего можешь делать! Тебя не надо кормить с ложечки, ты можешь сам умываться и все такое, ты можешь страницы в книге переворачивать, и глаза у тебя есть, ты читать можешь — ну чего ты убиваешься?.. Кто говорит, конечно, с ногами лучше, но пока у тебя голова на плечах, а уж это от самого человека зависит не терять головы. Пока у тебя котелок варит, ты — человек, понимаешь?.. Пока голова работает, ты не пропал!.. Знаешь, когда у меня еще глаза были, я читал одну книгу, не знаю, как тебе объяснить... Тот, кто ее написал, был ранен во время своей войны, он целых двадцать лет лежал в кровати, он ослеп, и вот видишь... вот видишь, написал книгу... прекрасную книгу. Правда, дело это было в Советском Союзе... а у нас ее перевели... „Как закалялась сталь“ — так она называется...

Надо всегда помнить о таких людях, и тогда у тебя будет утешение: вот он взял и написал книгу, и я тоже что-нибудь сделаю... Я тоже еще пригожусь... понимаешь?

В газете «Авангард» (1956, № 62, 18 августа — 3 сентября) критик Бертран дал такое название своей восторженной статье — «Книга, которая воспитала миллионы молодых коммунистов всего мира»:

«Это восхитительная история человека и история книги. Это человек, который вложил в книгу всю свою героическую жизнь и свое сердце. Эта книга — начало его жизни, чудесный пример величия и мужества...

В сердце Москвы, на улице Горького, находится Музей Н. Островского. В одном из залов можно увидеть книги „Как закалялась сталь“. Она была переведена на семьдесят девять языков и выдержала сотни изданий. Но те экземпляры, которые находятся в музее, не похожи на остальные. Это пожелтевшие, обгоревшие, простреленные пулями книги. Это книги, с которыми не расставались, воюя против гитлеровского фашизма, последователи Николая Островского — советские солдаты. В углу — покрытый засохшей кровью комсомольский билет солдата Федотова, найденный в книге Островского, которую солдат взял с собой, идя в атаку...

Будем же читать и перечитывать эту страстную книгу, в которой рождается новый человек, настоящий человек!..»

В газете «Франс нувель» (1957, № 623, 7 ноября) критик Бертран так определил значение романа «Как закалялась сталь» уже в самом заглавии своей статьи: «Жизнь, бьющая через край»:

«„Как закалялась сталь“ — это роман о полноте жизни нового человека. Ведя своего героя через годы гражданской войны, а потом через борьбу против разрухи, за восстановление экономики, Островский блестяще показывает советской молодежи его чудесные человеческие качества. П. Корчагин — воплощение преданности делу, желания „спешить жить“ во имя свободы человека, любви к своей стране и единства с народом, пролетарского интернационализма, непримиримости к моральным пережиткам прошлого, душевной чистоты и твердости характера, радости бытия.

Хотя автор с полным основанием заявил, что „это — роман, а не биография молодого коммуниста Островского“, пережитое им занимает в книге значительное место. Но в то же время — это биография молодого советского

поколения, того поколения, о котором Макаренко говорил в связи с перспективами строительства социализма, что „эта молодежь сознательна и все свои силы отдаст будущему. Она верит в общество, которое будет построено, оно становится дорогим сердцу каждого“».

Осенью 1935 года, в составе делегации советских писателей, мне довелось посетить Чехословакию. Визит был ответным — после посещения СССР чехословацкими журналистами. Наша писательская делегация под руководством М. Е. Кольцова побывала во многих живописных местах республики, посетила музеи и театры, встречалась с интересными людьми. Во время встречи с одним из руководителей большого издательства у нас был оживленный разговор о книге Николая Островского «Как закалялась сталь». И вот уже много лет спустя, собирая сведения о том, как роман ходит по свету, я радуюсь, что в Чехословакии верно помнят: первое зарубежное издание романа «Как закалялась сталь» вышло в Праге!.. Об этом с благородной гордостью вспоминает в статье «Писатель поколения героев» журналистка Е. Войткова в начале 50-х годов на страницах газеты «Руде право» (1954, № 270, 29 сентября):

«Мы гордимся тем, что первое зарубежное издание замечательного романа „Как закалялась сталь“ вышло в Праге и сразу же стало книгой, дорогой для всего нашего народа, особенно для молодежи. Эта книга помогала воспитывать нашу молодежь еще перед войной, в период борьбы нашей партии с отечественным и мировым фашизмом.

Если бы существовал обычай награждать книги орденами, то роману „Как закалялась сталь“ по праву принадлежал бы боевой орден за заслуги в воспитании человека. Ведь он воспитывает уже без малого третье поколение...

„Как закалялась сталь“ была любимой книгой героев-молодогвардейцев. „Самое дорогое у человека — это жизнь“, — эти слова Островского были записаны в дневнике Ульяны Громовой, а на столе у Вани Земнухова, вдумчивого поэта, осталась лежать открытой именно эта книга.

Пусть это мужество писателя Н. Островского и мужество его продолжателей — героев-комсомольцев, героев „Молодой гвардии“ — служит примером и нашим юношам и девушкам в их борьбе за счастливую и честно прожитую жизнь».

В годы Великой Отечественной войны мне доводилось встречаться с З. Р. Неедлы, выдающимся деятелем культуры Чехословакии. Член Коммунистической партии с 1929 года, во время оккупации Чехословакии гитлеровскими ордами Зденек Романович Неедлы жил в СССР (с 1939 по 1945 г.), был профессором Московского университета и опубликовал ряд работ по истории западных и южных славян. За свою научно-педагогическую деятельность З. Р. Неедлы был награжден советским правительством в 1945 г. орденом Ленина, а в 1953 г. в связи с 75-летием и за выдающиеся заслуги — вторым орденом Ленина. Я встречалась с З. Р. Неедлы во Всеславянском комитете, в работах которого ученый принимал деятельное участие. Всегда полный самого живого интереса к советской жизни, науке, искусству, З. Р. Неедлы спрашивал и о многих произведениях советской литературы, о работе писателей на фронте и в тылу, а также о тех, кого уже нет, но «помнить их надо всегда». К числу тех, кого надо помнить, З. Р. Неедлы относил Николая Островского.

«Выдающийся деятель культуры Чехословакии Зденек Неедлы еще в 1945 году в своей статье „К истории советско-чехословацких литературных связей“ отметил,

что из произведений советской прозы, переведенных на чешский язык, наибольшей любовью пользуются три книги, а именно: „Тихий Дон“ Шолохова, „Петр Первый“ Алексея Толстого и „Как закалялась сталь“ Николая Островского» (Материалы научной сессии, посвященной 50-летию со дня рождения Н. А. Островского. Винница, 1954).

«Островский,— писал Неедлы,— создал живые типы пролетарских революционеров, готовых на любые жертвы ради торжества общего дела. Его книгу знают и любят в Чехии не только интеллигенты, но и широкие народные массы.»

Вполне закономерно, что первые зарубежные издания «Как закалялась сталь» появились в славянских странах — Чехословакии, Болгарии, Югославии, Польше. Многовековое родство славянских языков и участие народов, особенно в наш век, в борьбе с фашистским нашествием, а потом образование целого созвездия социалистических республик создали для общения наших литератур естественно-благоприятные условия. Но даже и в те времена, когда там господствовал буржуазно-монархический строй, принципиальностью и настойчивостью можно было преодолеть многие препятствия.

Вот о чем рассказано в болгарском журнале «Язык и литература» (София, 1957, № 5):

«В 1935 году в Москве жила болгарская комсомолка Таня Цырвуланова. Роман потряс ее, и она подумала о том, какое огромное впечатление произвела бы эта книга на ее друга, который в то время томился в тюрьме города Стара-Загора. Таня обратилась к Н. Островскому и он прислал ей книгу с посвящением болгарским революционерам, а девушка переслала ее в Болгарию. Там роман нелегально был передан заключенным Старо-Загорской тюрьмы. Среди заключенных существовала креп-

кая партийная организация. Ее руководство, ознакомившись с романом, постановило: перевести книгу на болгарский язык и размножить ее в нескольких экземплярах, так как это произведение имеет неоценимое значение в формировании революционного мужества борцов-коммунистов».

Вот что рассказывает в том же журнале болгарский писатель И. Цонев:

«Одна из наиболее волнующих и интересных страниц в истории распространения романа Островского за рубежом принадлежит Болгарии. Крупнейший болгарский писатель и борец против фашизма Людмил Стоянов был одним из первых зарубежных ценителей и популяризаторов этой книги. Приехав в 1934 году в Москву, он с волнением и огромным интересом прочитал „Как закалялась сталь“. Возвращаясь на родину, Стоянов с большим трудом провез в Болгарию* целый чемодан советских книг. Разрешение на перевод произведения советской литературы следовало получить тогда в цензуре. Ответ задержался надолго. Не выдержав, Стоянов отправился узнать о судьбе своего прошения. Цензор встретил его словами: „За кого вы, господин Стоянов, нас принимаете? Неужели вы думаете, что мы такие простаки, что не разбираемся, какую книгу вы предлагаете перевести?“. Однако отказ не смутил Стоянова. Он знал, что рано или поздно реакционному режиму в Болгарии наступит конец. И писатель постепенно, главу за главой, стал переводить „Как закалялась сталь“. Чтобы перевод не был обнаружен во время возможного обыска, он прятал его по частям у своих знакомых. И когда 9 сентября 1944 года Болгария стала свободной, одной из первых книг, из-

* В то время в Болгарии был монархический фашистский строй.

данных в стране, был роман Островского в переводе Стоянова...

В книге Людмила Стоянова „О литературе, искусстве и культуре“... приводятся следующие слова:

„Самое трудное в литературе — создать новый тип, целостный и правдивый, в котором тысячи и тысячи находят что-то свое, от своей судьбы и от своей жизни. Павел Корчагин именно такой новый тип, новый человек, и именно это его значение почувствовали миллионы читателей, которые его любят, как нечто свое близкое”.

Жаль, правда, что в наших материалах оказался только этот абзац, за которым должно было бы последовать дальнейшее развитие мыслей такого большого друга-переводчика, как Людмил Стоянов. Но если глубже вдуматься, то приходишь к заключению, что самое главное в этом отрывке выражено. Действительно, «создать новый тип, целостный и правдивый», — это самая главная и всегда ответственная творческая задача.

В детские годы нашего поколения мы, только начавшие жить, любили читать о детских годах Багрова-внука и Николенки Иртеньева, потом в наше сердце вошел мальчик «в учении» — чеховский Ванька Жуков, который долго терпел голод и «выволочку» от хозяина-сапожника, а потом в отчаянной надежде написал письмо «на деревню дедушке... Константину Макарычу».

То было в первом десятилетии нашего века. Прошло 17—18 лет, которые вместили три исторических эпохи, три революции: первую революцию 1905 года и две последующих — в феврале и октябре 1917 года. И вот тут появился мальчик из Шепетовки, Павка Корчагин. Только в те годы и мог он появиться, этот востроглазый, остро-впечатлительный мальчик. Очутившись в гуще жизни, мальчик из Шепетовки вместе со старшими братьями и отцами вступил в историческую борьбу не-

виданной силы и значения, что и было отличительной чертой бытия этого нового литературного типа, как писал о нем Людмил Стоянов.

В Центральном музее Николая Островского в Москве среди записей, оставленных посетителями разных стран, есть много сердечных строк и мыслей, высказанных нашими друзьями из социалистических европейских стран. Как в бывшей царской Болгарии, так и в бывшей королевской Югославии роман «Как закалялась сталь» был под запретом.

Перед второй мировой войной книга «Как закалялась сталь» появилась в Белграде. И здесь распространение романа было немедленно запрещено. Полиция конфисковала еще не проданные экземпляры и запрятала их в одном из корпусов белградской тюрьмы Главняча. Во время воздушных налетов корпус был поврежден. Рискуя жизнью, туда пробрался молодой смельчак и вынес несколько экземпляров романа. Так арестованный жандармами Павел Корчагин вышел на волю и ушел к югославским партизанам!

Молодежная делегация Федеративной Народной Республики Югославии, приехав в Москву, посетила музей Н. Островского и оставила такую запись: «Мы счастливы тем, что сейчас в нашей свободной стране мы можем свободно издавать „Как закалялась сталь“ и „Рожденные бурей“, счастливы, что Павка Корчагин — снова любимый товарищ и учитель нашей молодежи в деле решения ее новой задачи — строительства страны» («Новый мир», 1946, № 12).

В 1967 году югославский писатель Боривое Нешкович рассказал трагическую историю, которая глубоко взволновала всех, кто слушал ее.

Едва роман Николая Островского появился в королевской Югославии и едва разные королевские «чины»

узнали об этой новости, как книга тут же была запрещена и всякие беды были грозно обещаны каждому, кто осмелился бы перевести эту книгу для югославского народа. Но смельчак нашелся. Это был молодой коммунист Драгутин Костиц-Гута, который и стал первым переводчиком романа «Как закалялась сталь» на сербский язык. Он нелегально издал «Как закалялась сталь». Знали эту тайну только двое — Драгутин и тот, кто набирал заветную книгу. Об этой книге, окруженной строжайшей тайной, невозможно было привычно сказать: «вышла в свет». Тогдашний «свет» в королевской Югославии тут же приговорил бы книгу к смерти. А она жила и жила, пройдя через тысячи и тысячи рук.

«Когда в 1941 году вспыхнуло восстание и началась освободительная борьба, — рассказывал Боривое Нешкович, — Драгутин Костиц-Гута вступил в партизанский отряд. Восемнадцатого марта 1942 года Драгутин Костиц был расстрелян фашистами в концлагере Шабоц.»

В партизанских отрядах книгу читали вслух на собраниях бойцов. Подвиг ее славного героя, как вспоминает Боривое Нешкович, становился вдохновляющим примером для бойцов-партизан: в каждом отряде были свои «корчагинцы».

В Социалистической Федеративной Республике Югославии роман «Как закалялась сталь» переиздавался много раз, как одна из самых любимых книг в народе. А что случилось с тем единственным экземпляром романа «Как закалялась сталь», который был подпольно набран и напечатан Драгутином Костиц-Гута? У кого она теперь, эта героическая книга? На фотографии в музее Островского Боривое Нешкович держит в руках эту книгу, как священное наследие, оставшееся ему от его друга Драгутина Костиц-Гута. Неведомые нам благородные люди сохранили это уникальное наследие и передали его

Муляж книги «Как закалялась сталь», переданный Музею Н. Островского Боривое Нешковичем

Боривое Нешковичу, который уже более 20 лет хранит книгу, как память о погибшем друге-партизане и о подвиге молодого писателя, бывшего бойца Красной Армии, Николая Островского.

Друг погибшего Драгутина Костич-Гута, югославский писатель Боривое Нешкович завершил эту историю «хождения книги по белу свету» зримо и незабываемо: вот муляж этой книги, которую полюбили многие тысячи

храбрецов, вот копия книги «Как закалялась сталь», привезенная в Москву, на свою родину. Вглядитесь в эту книгу, особенно вы, наш молодой современник!.. Как следы бесчисленных ран на теле бесстрашного бойца, так и на страницах «Как закалялась сталь», прошедшей сквозь тысячи и тысячи трудовых рук и храбрых душ, отпечатались следы ее «хождения по мукам». Передаваемая из рук в руки, всегда тайно, под угрозой тяжкого наказания, а то и смерти, книга каждой страницей своей впитала в себя весь накал борьбы за свободу и счастье югославского народа. И за то, что книга, овеянная боевой славой, вернулась в дом Николая Островского, надо благодарить нашего друга, югославского писателя Боровое Нешковича.

Бывает так, что и обычная публикация в отделе «Хроника литературной жизни», посвященная книге, может произвести глубокое впечатление (еженедельник «Литературная Россия», 1967, 15 декабря). Перед тем, как привести ее полностью здесь, полезно вспомнить одно сообщение из книги Натана Венгрова, исследователя творчества Н. Островского (Николай Островский. «Советский писатель», 1956). Вот что рассказано в книге о том, как федеральная полиция Швейцарии «приняла» роман Николая Островского:

«В 1940 году „Как закалялась сталь“ в переводе на немецкий язык была напечатана в Женеве, в типографии „Кооперативное товарищество“.

Федеральная полиция произвела обыск в типографии и конфисковала две тысячи напечатанных экземпляров.

„Полиция объявила вне закона превосходный роман Н. Островского,— выступила по этому поводу со специальной листовкой рабочая партия.—Его должен прочесть каждый рабочий, и рабочие прочтут его, несмотря на всякие запреты“».

И вот одиннадцать лет спустя, в еженедельнике «Литературная Россия» появилась следующая публикация — «Знаменно-алый том»:

«У этого романа, воедино сплавившего в себе мужество, жизненный подвиг автора и его писательский талант,— своя биография. „Как закалялась сталь“ шла с солдатами на фронт, не раз бывала ранена. Враги арестовывали ее, томили в застенках, убивали. Но книга не умирала.

На знаменно-алой обложке этого тома темные буквы выстроили надпись: „Как закалялась сталь“.

В 1940 году вышло в свет на немецком языке бессмертное произведение Николая Островского. Роза Трауг впервые увидела эту книгу на одном из собраний передовой молодежи Швейцарии. „Я не была еще тогда коммунисткой, и Павел Корчагин открыл мне новый мир“, — рассказывает она. Не только ей роман советского писателя помог в то тяжелое время. Именно поэтому коммунистическая партия Швейцарии в 1941 году принимает решение переиздать большим тиражом „Как закалялась сталь“. Коммунисты страны уже скрывались в подполье. И все же одна из типографий в Берне взялась за выпуск этой книги, но распространить ее не успели. Несколько сот экземпляров были конфискованы, активные деятели партии, участвовавшие в издании и распространении романа, арестованы и осуждены.

Все долгие годы, пока бесновалась в Европе коричневая чума, закованная книга пролежала в подвалах Швейцарского федерального совета.

В мае 1945 года, когда фашизм пал, „Как закалялась сталь“ была отпущена на волю. По выходе ее из тюрьмы те люди, что помнили о ней и ратовали за ее освобождение, вклеили в каждый том листок, который рассказывал об испытаниях, выпавших на долю этого

издания. Один из экземпляров Швейцарская партия труда преподнесла в дар антифашисту Роз-Мари Трауг.

Побывав летом этого года в Сочинском музее, Роз-Мари решила, что алый том должен храниться здесь, в доме, где жил и работал Николай Алексеевич,— и вот уникальное издание — экспонат музея Н. Островского».

Приведем другое свидетельство, уже из Ирана:

«Томик романа „Как закалялась сталь“ с обгоревшими страницами на персидском языке. Эта книга вместе с другими книгами хранилась в Тегеране в Клубе демократической молодежи. Однажды сюда ворвалась полиция, клуб разгромила, а из книг, выброшенных во двор, устроила костер. Но молодым иранским друзьям Павла Корчагина с большой опасностью для себя все-таки удалось спасти из огня одну книгу — роман Николая Островского „Как закалялась сталь“. Они переслали этот томик в Московский музей Н. Островского (из кн.: А. Осипов. Николай Островский и молодежь мира. Пермь, 1961)».

Врагов романа «Как закалялась сталь», конечно, несравнимо меньше, чем друзей. Но, как видите, враги существуют и разными способами стремятся уничтожить книгу, которая служит делу дружбы и мира между народами, враги страшатся влияния этой благородной силы на сознание людей. Никто не удивится, что в Греции, где власть захватила фашистская хунта, роман «Как закалялась сталь» включен в черный список. Но, как показывает история этой книги, она всюду находила себе верных друзей, которые сохраняли ее от всех бед и уничтожения.

Тысячи людей из разных стран приезжают в Москву, чтобы побывать в стенах дома, где в неустанном творческом труде Николай Островский прожил последние годы короткой прекрасной жизни.

Читатель книги «Как закалялась сталь», пожелавший остаться неизвестным, оставил в Музее следующую запись (перевод с японского, запись от 28 сентября 1965 года):

«В Японии до войны первое издание книги „Как закалялась сталь“ было запрещено правительством к продаже. Только немного книг было продано и эти книги передавались из рук в руки. Многие юноши и девушки дышали этим новым миром, который открывался перед ними в книге. После войны эту книгу прочитали 700 000 молодых людей. Есть много молодых людей, которые прочитали эту книгу, оглядываясь на свою прошлую жизнь, и присоединились к движению за мир, демократию и независимость Японии. Но не только молодые люди, я лично читал и читаю эту книгу. Я решил, что жизнь надо прожить не ради существования, а посвятить ее освобождению человечества. Поэтому и записал слова Н. Островского о жизни в свою записную книжку и часто перечитываю и вспоминаю их. Эти слова дороги не только мне. Многие японцы знают их, знают о подвиге Островского и в их умах живут слова: „Самое дорогое у человека — это жизнь...“».

Молодой педагог из Шотландии оставил краткую, но примечательную запись:

«Этот музей является одним из самых интересных в Москве. Здесь можно не только познакомиться с жизнью и творчеством великого писателя Николая Островского, но и с важными для нас всех событиями первой половины нашего столетия и ближе их понимать».

Докеймс Мартин (Шотландия), педагог

В тот день, когда я прочла эту запись, она была единственной в книге отзывов и как-то по-своему заинтересо-

вала меня. Запомнился ли музейным экскурсоводам тот молодой шотландец? «Да», — ответили мне. Но то была молоденькая девушка, которая по-учительски внимательно осматривала мемориальную комнату, все отделы и экспонаты музея. А потом, возможно, впервые в жизни, записала кратко о том, что видела. Ее убеждение, что книга помогает «ближе... понимать» важные события нашего века, право, стоит многих восторженных похвал.

Руководитель Союза свободной немецкой молодежи Э. Хоккер в предисловии к немецкому переводу книги «Как закалялась сталь» писал: «Он разорвал цепи, которыми недуг сковал его тело, потому что всем сердцем он боролся за мир, за прогресс. В нашей борьбе за единство Германии, за мир Н. Островский является вдохновляющим примером. Пусть его биография служит дальнейшему углублению дружбы между немецкой и советской молодежью».

«Девятнадцать изданий выдержал роман Н. Островского „Как закалялась сталь“, выпускавшийся издательством „Нойес Лебен“. Сообщая об этом, газета „Нойес Дойчланд“ приходит к выводу, что Н. Островский — самый любимый автор социалистической молодежи Германской Демократической Республики».

В 1956 году в журнале «Театр и время» (№ 12, стр. 47) сообщалось, как в Берлине, в первый же год возникновения Германской Демократической Республики, был создан «Молодежный театр дружбы». В ознаменование своего пятилетия коллектив театра решил поставить инсценировку романа «Как закалялась сталь».

День премьеры, 17 октября 1955 года, стал историческим днем в летописи театра. Журнал «Современный театр» отмечал, что это «удачная юбилейная постановка, воодушевляющая молодежь, и что театр нашел хорошую сценическую пьесу для молодежи». Статья заканчивает-

ся словами, что весь коллектив встречали бесконечные аплодисменты молодежной аудитории.

Да, многими путями разносятся вести о книгах по всему миру: радио, телевидение, газетная оперативная хроника и «подвальные» обзоры литературы, солидные журнальные статьи и литературоведческие исследования, массовые читательские отклики в печати и многочисленные отзывы посетителей в музейных книгах.

Вот одно, очень примечательное высказывание посетителя Дома-музея Островского, упомянутое в книге литературоведа Н. Венгрова:

«Незадолго до войны Сочинский музей посетил В. А. Бершадский. В день приезда в Сочи он считал необходимым „прийти к Николаю Островскому“. Еще молодым краснофлотцем тов. Бершадский попал в аварию и потерял зрение. Этот внезапный и страшный удар его совершенно подавил, и только книга „Как закалялась сталь“ вывела его из состояния, близкого к самоубийству, возродила к жизни.

„Шлепнуть себя каждый дурак сумеет. А ты попробовал эту жизнь победить? А ты все сделал, чтобы вырваться из железного кольца?“ — читал ему вслух товарищ. „И мне казалось,— рассказывал В. Бершадский,— что это Павка меня спрашивает. Мне нечего было ему ответить. Я не боролся, я спасовал перед трудностями. И это было как кризис в тяжелой болезни. Павка возбудил у меня желание последовать его примеру. Я решил учиться. Наша комсомольская ячейка взяла надо мной шефство. Было, правда, трудно, но из газет я знал, как жил и работал в то время Н. Островский, и это воодушевляло меня. Теперь я читаю лекции в Ленинградском университете. Жизнь моя полна. Я счастлив. И как же мне не благодарить Островского. Таких, как я, многим обязанных Н. Островскому, тысячи».

В начале 50-х годов молодой румынский писатель И. Григореску, посетив московский Музей Н. Островского, так рассказал об этом на страницах газеты «Романиа либера» (1953, № 2725, 5 июля):

«В Московском доме-музее Николая Островского существует зал, повествующий о жизни того Корчагина, который встал со страниц романа и появился в миллионах молодых людей по всей советской земле. Корчагин появился среди строителей первого московского метро, среди шахтеров Донбасса, металлургов Урала, появился на колхозных полях Украины и Кубани, на золотых приисках сибирской тайги, среди рыбаков Архангельска...

В годы Великой Отечественной войны Павел Корчагин был на всех фронтах, воевал в первых рядах против врага...

Корчагин появлялся повсюду, ибо советская молодежь привыкла называть Корчагинами самых лучших, передовых представителей своего народа.

Эта необычайная жизнь литературного героя, покинувшего рамки романа и вступившего в борьбу плечом к плечу с живыми людьми, представляет собой почти беспримерное в истории литературы.

Действительно, Островский живет в миллионах сердец, воодушевляя их на труд и борьбу. Восемь лет назад первый танк победоносной Советской Армии, ворвавшийся в Берлин, носил имя „Николай Островский“. Недавно последний квадратный метр земли между Волгой и Доном был вынут экскаватором „Николай Островский“.

Я вышел из дома-музея поздно, когда на Москву опускались сумерки. Я шел по улицам, смешавшись с потоком советских людей, а в моей голове словно пульсировали незабываемые слова Островского: „Самое дорогое у человека,— это жизнь...“. Да здравствует жизнь!».

В книге А. Осипова «Николай Островский и молодежь мира», упомянутой мною, приведено характерное сообщение сочинского музея об одном юноше из Финляндии. Летом 1960 года, посетив сочинский Музей Н. Островского, секретарь ЦК Союза демократической молодежи Финляндии рассказывал, как любят у них книги Николая Островского. А потом, вернувшись к себе на родину, прислал в дар музею значок, которым награждают лучших юношей и девушек-борцов за мир. Характерно, что среди прочих условий для получения этого значка, обязательно хорошее знание романа «Как закалялась сталь».

Стоит задуматься, особенно молодым нашим современникам, как долго и стойко живет в поколениях отцов и детей роман «Как закалялась сталь»!.. Всесветная известность этого романа не имеет ничего общего ни с «модной» шумихой, ни с каким-то искусственно раздутым прославлением,— уже десятки лет люди привязаны душой к Павке Корчагину и его автору, жизни которых часто сливаются воедино, что по-своему естественно и абсолютно понятно. Тысячи и тысячи произведений прозы и поэзии узнало человечество за эти тридцать с лишком лет, а от поколения к поколению не иссякает живая передача чувств и идейно-нравственного влияния этой книги.

Мне вспоминается, как в годы Великой Отечественной войны на беседе, посвященной роману «Как закалялась сталь», молодые танкисты вдумчиво обсуждали, почему так «прикипели к сердцу» Павка Корчагин и другие герои романа «Как закалялась сталь». Они, воины Великой Отечественной, еще невиданной в истории войны, так же как и их отцы, сражавшиеся в гражданскую, в образе Павки Корчагина и его товарищей продолжают видеть высокий пример негибаемой нравственной силы

и геройства. Не сдался и никогда не поддастся чуждой враждебной воле такой борец, как Павка Корчагин, стоит, как и сам Николай Островский, победивший беспощадную болезнь. И как победил: «не просто так — остаться бы в живых», — остался «борцом великой ленинской партии».

Осенью 1966 года руководители Музея и мы, группа друзей писателя, по пути в Шепетовку, на открытие памятника Николаю Островскому, проезжали станцию Боярка и те места, откуда (как в жизни, так и в романе) в тяжелейших условиях голода, холода началось строительство железнодорожной ветки.

На станции было тихо и малоллюдно — будний день. Озирая в вагонное окно станционный пейзаж, мы вслух обсуждали, откуда могло начаться строительство железнодорожной ветки в те давние и голодные годы гражданской войны. Пожилой железнодорожник, прислушавшись к нашему разговору, очевидно, уже давно по теме ему знакомому, кратко разъяснил нам: узкоколейка, на строительстве которой «работали Николай Островский и Павка Корчагин, выходила к Боярке в-о-о-и там, где кондитерские и всякие иные киоски...».

Да, жива память народная о Николае Островском и его главном герое Павле Корчагине. И «Как закалялась сталь» — одна из самых популярных и любимых книг не только нашего народа.

В 1959 году редакция журнала «Иностранная литература» обратилась к генеральному секретарю Союза писателей Демократической Республики Вьетнам, поэту Нгуен Дин Тхи с несколькими вопросами о наиболее важных явлениях в литературной жизни современного Вьетнама.

Вопрос. Нашим читателям было бы интересно

узнать, какие произведения советских авторов переведены и пользуются популярностью во Вьетнаме?

Ответ. Наибольший успех выпал на долю романа Н. Островского «Как закалялась сталь». Это произведение — самая любимая книга у нас.

В 1967 году, в газете «Известия» (№ 44, 20 февраля) многие прочитали краткую, но глубоко волнующую историю, рассказанную Л. Арсеньевым «Вьетнамский Корчагин». Вот она:

«В Намбо вместе с другими частями Народной армии сражался прославленный 307-й батальон. Командовал им бывший студент Ханойского университета Фам Хонг Сон. Пятого июля 1954 года, за две недели до заключения перемирия, командир батальона был ранен. Пуля попала в позвоночник, 30-летний офицер стал инвалидом.

— Никогда не забыть мне того дня,— вспоминает Фам Хонг Сон,— когда один из моих фронтовых друзей дал мне замечательный совет — заниматься русским языком.

— Попробуй изучить этот прекрасный язык,— сказал он.

Шли годы, заполненные учебой. Раненый офицер осваивал русский язык. Порой ему казалось, что не хватит сил, но ведь он уже знал о Николае Островском и его герое Павке Корчагине, он знал летчика Мересьева...

В 1958 году Фам Хонг Сон решил перевести небольшую книжку „Барабанщик“. Как радовался он, когда тоненькая книжечка легла на тумбочку, рядом с лекарствами. Жизнь снова обрела смысл...

Сегодня рядом с первой небольшой книжкой у его кровати появились книги Александра Бека „Несколько дней“ и „Резерв генерала Панфилова“. На последней странице этих книг сказано: „Перевод Хонг Сона“. Вско-

ре к ним прибавятся «Дни и ночи» Константина Симонова. И вместе с этими книгами, как солдаты в строю, стоят два самых дорогих для Хонг Сона томика „Как закалялась сталь“ и „Повесть о настоящем человеке“.

Сегодня о подвиге Фам Хонг Сона знает вся страна.

В дом человека, который вернулся в строй благодаря светлому источнику, имя которому — великий русский язык, продолжают приходиться сотни писем».

А вот еще связанная с Вьетнамом история, в которой я участвовала самым непосредственным образом.

В начале февраля 1956 года Раиса Порфирьевна Островская (в те годы директор Музея) послала мне срочный пакет, который передал ей известный кинорежиссер Роман Кармен. Выезжая за рубеж, он просил Р. П. Островскую передать мне письмо, полученное на мое имя из Вьетнама. Из этого довольно обстоятельного письма, написанного по-русски и датированного: «Ханой, 23 декабря 1955 года», хранящегося в моем архиве, передаю только некоторые отрывки.

«...Мы, два молодых вьетнамца, работающие в газете „Нян Зян“ („Народ“), органе Партии трудящегося Вьетнама... прочитали в номере журнала „Советская женщина“ (Femme sovietique), изданного на французском языке, Вашу статью о Николае Островском, посвященную 50-й годовщине со дня рождения нашего любимого писателя. Это Ваша статья помогла нам еще глубже понять писателя Николая Островского и его книгу „Как закалялась сталь“.

В нашей стране, еще до Августовской революции 1945 года, наши старые революционеры читали французский перевод „Как закалялась сталь“. Эти наши «Жухраи» часто учили нас примеру Павла, воспитывали нас в духе „Как закалялась сталь“ и его героев, особенно Корчагина...

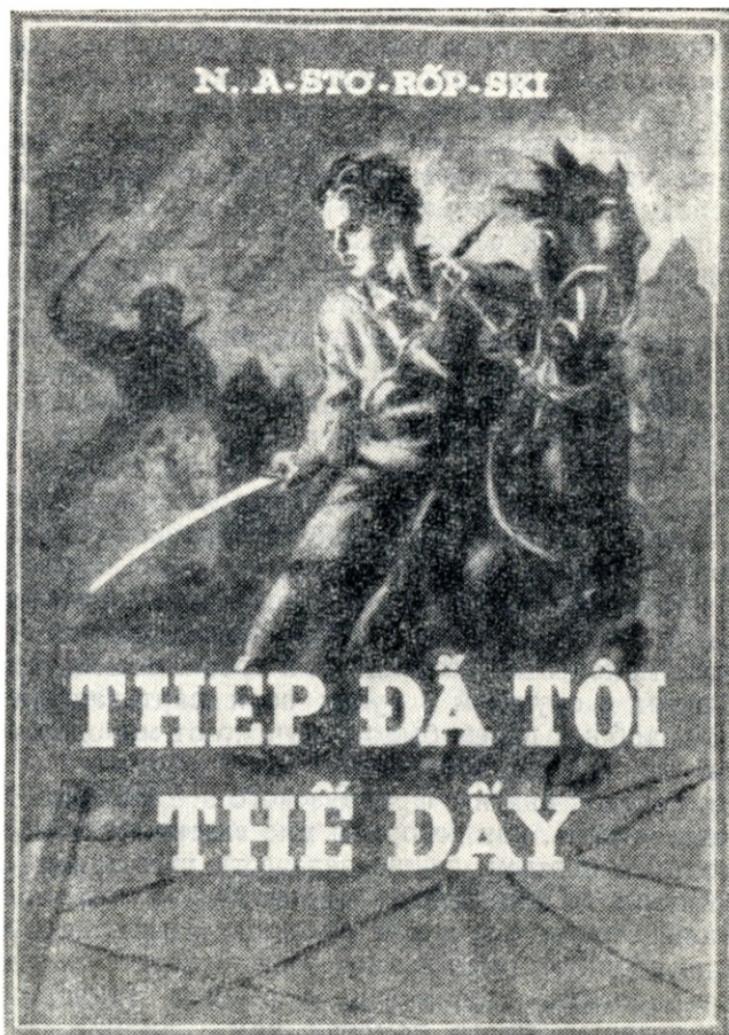
Наконец, несколько экземпляров перевода „Как закалялась сталь“ на французском языке послало во Вьетнам Издательство иностранной литературы».

Тогда, как рассказывалось далее в письме, «тяжелые, трудные условия борьбы, сопротивления не позволили нам сразу издать перевод. Но рукопись перевода мы читали на больших собраниях, в нескольких деревнях и предприятиях. Неописуемо увлечение наших друзей при чтении этой рукописи. На фронте Дьен Бьен Фу наши бойцы, передавая из рук в руки, читали эту рукопись, записанную от руки или напечатанную на пишущей машинке. Можно сказать, что Павел жил с нами в окопах, был с нами в самые трудные минуты...

...Роман „Как закалялась сталь“ был издан к 50-летию со дня рождения Николая Островского и вышел в свет в день годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Издательство молодежи и переводчики книги получили сотни писем, написанных бойцами Народной Армии, а также молодыми крестьянами и крестьянками, которые еще вчера с оружием в руках вели партизанские бои. Немало добрых писем было получено от молодых людей из освобожденных городов».

Но перевод книги с французского все же «имеет много недостатков», как говорили мне вьетнамские молодые издатели, и поэтому лучше перевести уже прямо с русского языка. «Один из нас, — написано было в письме, — имевший счастье научиться русскому языку, вернулся к себе на родину и имел возможность относительно долгое время работать с товарищем Карменом (кинорежиссером), который много помогал нам... Знание русского языка позволило нам прямо перевести с русского языка. Мы оба, работая в тесном сотрудничестве, с энтузиазмом выполнили поставленную задачу».

Роман «Как закалялась сталь»,
изданный во Вьетнаме. Обложка. Часть 1-я

Роман «Как закалялась сталь»,
изданный во Вьетнаме. Облож-
ка. Часть 2-я

Вот к этому первому во Вьетнаме переводу с русского языка романа «Как закалялась сталь» молодые вьетнамцы просили меня написать предисловие, которое и было мною послано к сроку. А некоторое время спустя вьетнамские друзья побывали у меня в гостях.

На многих встречах и приемах во второй половине 40-х и в начале 50-х годов мне доводилось встречаться с вьетнамскими деятелями. Черноволосые, темноглазые и сухощавые южане, они выглядели удивительно молодо. А мои гости из Вьетнама выглядели так юно, что скорее напоминали школьников старших классов, чем представителей большого юношеского издательства Демократической Республики Вьетнам. Передав мне дружеское письмо от республиканского издательства «Молодежь», вьетнамские молодые издатели изложили мне уже подробный план выпуска романа «Как закалялась сталь». План был хорошо продуман, и мне оставалось только дружески одобрить его. Роман «Как закалялась сталь» вьетнамские друзья решили выпустить в двух книгах, точнее в двух томиках портативного формата и, конечно, с иллюстрациями. Какого художника я могу им порекомендовать? Из многих книжных иллюстраций мне особенно нравятся работы украинского художника А. И. Резниченко, в которых видно стремление верно следовать творческому замыслу писателя. Так мы трое и решили: просить художника А. И. Резниченко создать иллюстрации к вьетнамскому двухтомнику романа «Как закалялась сталь».

Прошло еще некоторое время, и мы опять встретились в моей рабочей комнате. Вот они, два прелестно изданных томика романа «Как закалялась сталь» с иллюстрациями художника Резниченко и моим предисловием — письмом девушкам и юношам Вьетнама (см. стр 90—91).

Как радовались мы этим двум томикам, которые уже вошли в жизнь многих тысяч молодых людей Демократической Республики Вьетнам!.. Разговор о будущих планах издательства «Молодежь» шел поэтому на самой, что называется, оптимистической волне. Но еще не наступило время, когда перед молодежью всей Демократической Республики Вьетнам во всю ширь раскрылись бы богатства родной и всемирной культуры и науки. До сих пор продолжают преступные акты войны против Демократической Республики Вьетнам.

Отцы, старшие братья и сестры защищают родину, а вьетнамские школьники, спрятанные в джунглях, учатся. Они прилежно готовят уроки, читают книги и, конечно, одна из первых их книг — это «Как закалялась сталь» Островского — тот двухтомник, который так любовно готовило в Ханое издательство «Молодежь»!..

Да, да, поразительно, с какой верой в будущее этот многострадальный народ-борец воспитывает свои новые поколения: в джунглях работают школы, дети учатся, читают книги, сдают экзамены, их детство охраняется как самое драгоценное богатство. Знаем и верим, что настанет день победы, когда радостно и свободно вздохнет весь народ Вьетнама!..

Борцы за свободу Вьетнама и восстановление мира на его земле являются и первой опорой культуры, искусства и литературы. И мы твердо знаем, что книга «Как закалялась сталь» хранится в надежных и верных руках. Пожелаем же хранителям этой книги «Как закалялась сталь» дожить до того дня, когда ее чистый и смелый голос смогут услышать все честные трудовые люди, которые составляют большинство населения Земли.

Во многих странах и в миллионах душ человеческих живет книга «Как закалялась сталь» и продолжает свой путь по планете.

**Караваева
Анна
Александровна**

**КНИГА,
КОТОРАЯ
ОБОШЛА
ВСЬ МИР**

Редактор
Художественный редактор
Технический редактор
Корректор

**В. Ф. Ларина
Д. А. Аникеев
Н. Н. Мамонтова
Т. М. Кузнецова**

А 06168. Сдано в набор 16/II 1970 г. Подписано к печати 30/VI 1970 г. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 3,80. Заказ № 127. Изд. № 12. Тираж 90 000 экз. Цена 16 коп.

Издательство
«Книга»
Москва, К-9,
ул. Неждановой, 8/10

Тульская типография Главполи-
графпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР, г. Тула,
проспект им. В. И. Ленина, 109

Цена 16 коп.